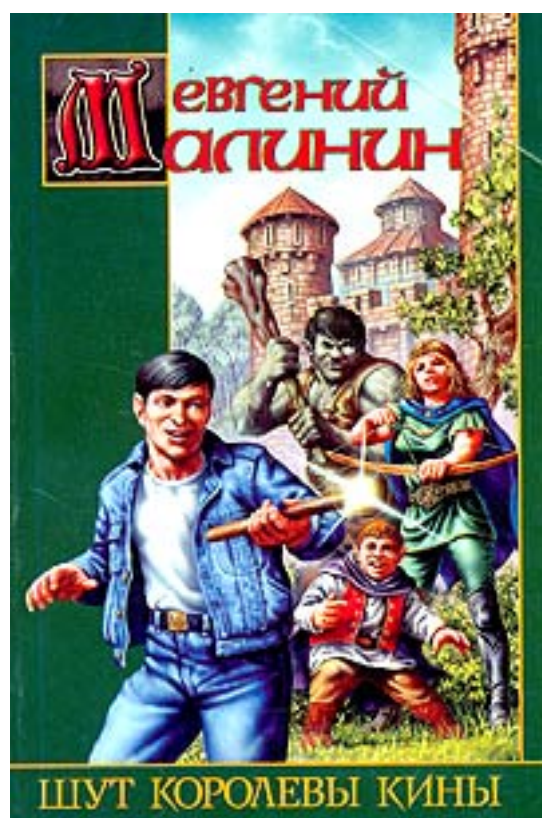

Евгений Малинин
Шут королевы Кины
Серия «Братство Конца», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121511
Малинин Е.Н. Шут королевы Кины: Фантастический роман: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-019622-9*

Аннотация

...И прогремел над лесом гром, и небо стало уже не голубым – оранжевым, и солнце, уже не золотое – зеленое! – упало за горизонт.

Так начались приключения четверых молоденьких ребят, участвовавших в ролевой игре – и не сразу понявших, сколь короток Путь из мира нашего – в мир другой.

В мир, где «Гэндальф», «Фродо», «Троль Душегуб» и «Эльфийка Эльнора» – уже не прозвища, но – имена. Имена воителей. В мир, живущий по закону «меча и магии». В мир, где судьба такова, какой сделает ее веление могущественного Черного мага, играющего людьми как пешками

В мир, где в замки властителей приходит новое Зло, которому пока что не подберешь даже имени. Зло, ведомое лишь шуту королевы Кины...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгений Малинин

ШУТ КОРОЛЕВЫ КИНЫ

Глава 1

*«... Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро»*
А. С. Пушкин

Не помогает! Ни шампанское, ни «Женитьба Фигаро»!

С того самого дня, как наша замечательная четверка вернулась из чудного похода по королевству Кины, меня, словно свинцовым глухим колпаком накрыла тоска. Я, как самый отъявленный бездельник, валялся в смятой, несвежей постели, не желая выходить на улицу и бездумно перелистывая те двенадцать каналов, которые принимал мой маленький SONI. На звонки в дверь и трели телефона я, естественно не отвечал, так что мои многочисленные друзья постепенно оставили меня в покое.

Наконец, мне все-таки пришлось выйти из дому, поскольку у меня закончилась даже манная крупа, из которой я варил себе кашку, позвольте заметить, на воде. Истратив в магазине остаток денег, я принес домой два пакета какой-то еды и снова заперся в своей квартире, претворяя в жизнь старую английскую поговорку – «Мой дом – моя крепость». Однако, как оказалось нет таких крепостей, которые нельзя было бы взять настойчивостью.

Погода все еще стояла весьма теплая, так что балконная дверь в моей двухкомнатной квартирке на одиннадцатом этаже семнадцатизэтажной башни не закрывалась, и однажды утром, возвращаясь из кухни после весьма символического завтрака, я обнаружил, что рядом с моей постелью в моем любимом кресле сидит Санька Резепов, мой закадычный дружок еще со школьной скамьи.

Надо сказать, что парень этот был замечательной личностью. В двенадцать лет он начал серьезно заниматься самбо и к двадцати годам получил восемь сотрясений мозга, правда, при этом он ни разу не обращался к врачу, утверждая, что «само проблуется». Последствием этих спортивных рекордов стало то, что в летнее время он просто не мог находиться в Москве. В конце мая Сашка собирал свой крохотный рюкзачок и отправлялся в один из аэропортов столицы, а потом мы получали открытки то из какого-нибудь медвежьего угла Алтая, где он трудился на ниве геологии, то из среднеазиатского аула, в котором наш самбист обнаружил змеиный питомник. Причем, превращение Союза Советских Социалистических Республик в Союз Независимых Государств его совершенно не трогало. «Там, где понимают по-русски, там я и дома» – утверждал сей космополит.

В Москву Резепов возвращался не раньше начала октября, так что его появление в моей квартире в конце августа было событием весьма неординарным и, как я знал, достаточно болезненным для него самого. Поэтому мне необходимо было удивиться. Но удивляться мне не хотелось, так что я улегся в свою смятую постельку и просто спросил:

– Давно вернулся?..

– Вчера вечером – коротко ответил он.

– Как дела в провинции? – Поинтересовался я совсем не потому, что меня интересовали провинциальные дела, просто надо было что-то сказать.

– Провинция пока жива, – Ответил Сашка и неожиданно для меня добавил, – Но она скоро испустит дух, наблюдая за тихим угасанием столичных интеллигентов.

– А что, столичные интеллигенты угасают? – Я все-таки сделал вид, что заинтересовался. Однако этот грубый, лишенный романтической жилки и ушибленный на голову исполнитель самбо не поддержал затеянный им же самим романтический разговор. Вместо этого он спросил в лоб:

– И долго ты собираешься отлеживаться в своем логовище?

Я тут же отвернулся к стене, не желая разговаривать в подобном тоне. Но он не унимался:

– Отпуск-то у тебя, между прочим кончился, и твое начальство с нетерпением ожидает тебя на работе...

Я игнорировал это административное давление.

– И твои друзья весьма обеспокоены твоим самочувствием, – продолжал свою агитацию Санька, – Вот, например, некто Машеус отбил мне паническую телеграмму, так что я был вынужден вернуться из благословенной республики Саха, так и не откопав своего алмаза. И как только этот Машеус разузнал мое местонахождение?!

Я продолжал отмалчиваться. Если мои друзья о чем-то беспокоятся – это их дело. Меня лично ничто в этом мире не беспокоило!

Санька помолчал, а потом негромко и совсем незнакомым мне тоном спросил:

– Она что, на самом деле настолько неотразима?..

Я резко сел на кровати и уставился в его круглую конопатую физиономию, ожидая увидеть привычную гнусную ухмылочку, превращающую и без того небольшие голубенькие Сашкины глазки в ехидные узенькие щелочки. Но его лицо было абсолютно серьезным, а в широко открытых глазах, в самой их глубине, затаилась некая заинтересованная грусть.

– Ты откуда о ней знаешь? – поинтересовался я, все еще пытаясь уловить скрытую насмешку.

– Я, прежде чем идти к тебе, имел продолжительную беседу с Машеусом и Эликом. Правда их рассказ был достаточно путаным, но и из этой путаницы мне стало ясно, что мой друг безнадежно влюблен... правда, неизвестно в кого. Я правильно понял, что этой несравненной... королевы на самом деле просто не существует на свете?..

Я опустил глаза и повесил голову. Ведь Кины и в самом деле не было на свете. На этом свете...

Сашка терпеливо ждал ответа, так что я через силу вытолкнул из себя:

– Да, ее действи... она осталась в другом Мире...

– А! – Тут же воскликнул мой конопатый друг, – Так она все-таки существует?! Значит ее можно отыскать!

– Я же тебе говорю, она осталась в другом Мире! – занудно протянул я и снова повалялся на кровать лицом к стене.

– Ну и что?! – удивился наглый Резепов, – Подумаешь, в другом Мире! Значит надо пойти в этот другой Мир и притащить ее в наш! Тем более, что ты в этом «другом» Мире уже разок побывал. Или меня обманули?..

Он говорил об этом другом Мире так, словно это какое-нибудь Приполярье или Забайкалье, словно достаточно было отправиться в Домодедово или, в крайнем случае, Шереметьево, и там в круглом окошке тебе тут же за наличную плату выдадут билет в этот самый «Другой Мир»!

Его наглая самоуверенность настолько меня взбесила, что я буквально взвился на своей кровати:

– Ты что, совсем в этой своей Сахе мозги отморозил?! Не понимаешь, что я тебе толкую?! Она в другом Мире!.. В другом!!! До нее не долететь и не доехать!!! Она в другом, недоступном мне пространстве... измерении... Мире!!!

Резепов спокойно смотрел на меня из удобного кресла, ожидая когда я закончу свой вопежь. Наконец воздух в моих легких кончился, и я с всхлипом потянул в себя новую порцию. Сашка, воспользовавшись моим вынужденным молчанием, тут же подал новую реплику:

– Да, видно она действительно очень хороша... Только я не понимаю, что ты так орешь? Как мне рассказали твои со... как их назвать-то... со... участники, ты вместе с ними уже был в этом другом Мире и более того, притворялся там каким-то крутым колдуном, чародеем, магом... Ну, значит, если ты поднапряжешься, то наверняка сможешь опять пробраться в этот твой другой Мир, к своей... этой... королеве.

В его голосе было столько неподдельного непонимания проблемы, что я как-то сразу остыл. Тем более, что говорил он без тени насмешки.

– А эти самые соучастники рассказали тебе, что мы в тот Мир попали не по своей воле? Что нас туда случайно перенесли?..

– Все, что было сделано случайно, можно повторить нарочно! – безапелляционно ответил Санька, – Надо только воспроизвести все обстоятельства случайности.

– Да?! – Саркастически переспросил я, – И как же я могу воспроизвести ворожбу колдуна из потустороннего мира?!

– А это тебе виднее, – пожал плечами этот неуч-теоретик, – Ты ж у нас этот... Гэндальф Серый!

Он наклонил свою круглую, коротко стриженную голову, с интересом рассматривая мою ошалелую физиономию, и на его рожу выползла, наконец, столь знакомая мне глумливая ухмылочка:

– Так что давай, завязывай со своей хандрой... А то мне совсем больше не хочется по балконам лазить, да еще на такой высоте...

Я непроизвольно глянул в сторону открытой балконной двери, и до меня, наконец, дошло каким образом Сашка оказался в моей «крепости».

Нельзя сказать, что моя тоска после Сашкиного визита уменьшилась, просто мне удалось затолкать ее поглубже, так, чтобы для посторонних она была не слишком заметной. Но полностью избавиться от нее не было никакой возможности.

Я вышел на работу, на свою драгоценную кафедру социальной экономики в своей неповторимой академии управления. Я продолжил, если можно так сказать, свой научный труд под названием «Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук». Я возобновил свою преподавательскую и общественную деятельность. Но прежнего азарта жизни, желания участвовать во всем и везде, прежней «активной жизненной позиции», как говаривал мой научный руководитель, замечательный старикан, доктор, сами понимаете, экономических наук, профессор Илья Владимирович Шустов, у меня уже не было. И вообще, моя жизнь стала казаться мне какой-то ненастоящей, какой-то игрой с участием бездарных артистов, унылых статистов, с моральным уродом в главной роли и похищенной главной героиней. И кроме того, я, несмотря на весьма напористую пропаганду со стороны конопатого Резепова и некоторых других моих друзей, был уверен, что оказаться в королевстве Кины или каким-либо другим способом еще раз ее увидеть, невозможно в принципе!

Так я и жил... Или, вернее будет сказать – так я и существовал.

Прошел учебный семестр... Народ, как всегда бурно, встретил Новый Год и Рождество Христово... Прошла студенческая сессия... Прошел Татьянин день... А в начале апреля...

В одну из суббот в начале апреля у меня выдался свободный день, и я решил серьезно заняться своей диссертацией. Два дня назад Илье Владимировичу удалось-таки отловить

меня на кафедре и, он после теплой характеристики моего отношения к собственной научной работе высказался очень недвусмысленно:

– Вы, Сергей Алексеевич, выберете время и тщательно обдумайте такой, чисто академический вопрос – имеет ли вам смысл далее заниматься диссертацией, которую вы, как мне кажется, защищать не собираетесь? После этих раздумий вы сообщите мне свое решение и, возможно, не будете далее отвлекать меня на тягостные обязанности вашего научного руководителя.

Так что я в эту свободную субботу уселся за письменный стол, раскрыл папку с материалами диссертации и, уставившись на первый лист, где красивым компьютерным почерком было выведено «Практика ухода от налогов в теневой экономике России конца XX – начала XXI веков», часа два предавался воспоминаниям о том, как впервые увидел призрак своей королевы. И тут в дверь квартиры позвонили.

Нехотя оторвавшись от своих воспоминаний, я встал из-за стола и пошел открывать дверь. За ней стоял, прислонившись к косяку, весьма неожиданный гость – Паша Торбин, о котором я ничего не слышал уже почти полгода. Кто-то, не помню кто, мне сообщил, что Паша, после того, как его вышибли из театра, отправился завоевывать периферию то ли во Владимир, то ли в Томск – в общем, куда-то на Восток. И вот, пожалуйста, он торчит у моих дверей и делает вид, что оказался здесь совершенно случайно и также совершенно случайно нажал на кнопку звонка.

Оглядев Пашкину шуплую фигуру, я, надо признаться, без должного гостеприимства пробурчал: – Проходи... – и посторонился, пропуская его внутрь.

Паша вошел, лениво переставляя ноги, сбросил свою потертую кожанку на скамейку в прихожей и, не снимая мокрых ботинок, пошлепал в комнату. Правый карман его широких, мешковатых брюк, прикрытый длинным растянутым свитером, подозрительно оттопыривался. Окинув комнату критическим взглядом, Пашенька убедился, что в ней мало что изменилось и, игнорируя явно рабочую обстановку на моем письменном столе, направился к журнальному столику, притулившемуся между двух кресел. Затем, освободив свой карман от бутылки коньяка «Арагат», он поставил ее на столик, плюхнулся в кресло и пробурчал:

– Привет!..

Не отвечая на его приветствие, я направился на кухню и вернулся с двумя коньячными бокалами, нарезанным лимоном и остатками халвы. Паша за это время успел откупорить бутылку и, как только я поставил бокалы на стол, тут же наполнил их до половины. Я сел напротив своего друга, и мы, молча поприветствовав друг друга поднятием наполненной посуды, выпили. Коньяк был слишком холодный.

Паша сразу же сунул в рот ломтик лимона и принялся громко причмокивать. Я предпочел халву.

Высосав лимон, а затем сжевав его остатки вместе с коркой, Пашенька снова наполнил бокалы, но поднимать свой не стал, а откинувшись на спинку кресла, довольно протянул:

– Хорошо...

– И что хорошего? – поинтересовался я.

– Сейчас все хорошо, – закрыв глаза, отвечал Паша, – Привычное кресло, привычная выпивка, знакомая морда напротив... Хорошо. И в душу никто с ногами не лезет...

– Да... – чуть усмехнулся я, – Тебе, похоже, душу-то всю истоптали, раз тебе со мной хорошо...

Пашенька приоткрыл один повеселевший глаз и быстро оглядел меня:

– А что, кому-то с тобой плохо?..

– Да всем... – я поскреб небритый подбородок, – И мне со всеми...

– Что, и со мной? – индифферентно поинтересовался Паша.

– О присутствующих не говорю, – ответил я таки тоном, что было нетрудно понять, насколько мне интересно с Пашей. Однако он не обиделся. Наоборот, обхватив бокал пальцами и согревая его в ладони, он задумчиво поглядел на меня и медленно протянул:

– А знаешь, я ведь тоже смотрю на твою физиономию без прежнего энтузиазма. Только в отличие от тебя, я, как представитель творческой профессии, привыкший анализировать моральное состояние образа, задумываюсь над этим феноменом...

– Слушай, – перебил я его, – Ты, может быть и относишь себя к представителям, только я ни слова не понял из того, что ты тут наговорил. Выражайся попроще, чего ты хочешь?

Он посмотрел на меня долгим и каким-то неуверенным взглядом, а потом проговорил неожиданно охрипшим, совершенно не актерским голосом:

– Я назад в Кинию хочу...

– Куда?! – опешил я.

– В Кинию... – снова прохрипел Паша.

– Я тебе не Аэрофлот, билетов в Африку не выдаю, – попытался иронизировать я.

– А я тебе не про Кению говорю, а про Кинию, – неожиданно заорал Пашенька и, вскочив на ноги, расплескал из бокала коньяк.

Это было настолько на него не похоже, что я замер с открытым ртом. Заметив мое удивление, Паша еще больше распалился:

– Ну что вытаращился?! Да, я хочу в королевство, где властвует твоя Кина! Я хочу назад, туда, где водятся колдуны, выпы, бестелесные призраки и бездушные кадавры! Я хочу назад в Тефлоновую Пустыню!!!

– Зачем?.. – оторопело поинтересовался я.

– Ты понимаешь, – несколько тише, но с тем же драматическим надрывом начал Паша, – Я все время кого-то изображаю, какие-то персонажи... Я прыгаю из театра в театр, со сцены на сцену, из роли в роль и никак не могу получить такую, какую исполнял там, в том Мире! Там я был... Нет! Там я жил настолько полной жизнью, что теперь мне все кажется пресным и пошлым... Ты знаешь, я начал спиваться, но и это дело, – он стукнул ногтем по бутылочному стеклу, – уже не действует на меня. Я не могу больше! Я хочу назад!

– Но ты же понимаешь, что нам туда не добраться... – попытался я охладить его темперамент.

– А! – тут же поймал он меня на слове, – Значит ты тоже хочешь туда?

– Моего желания мало... – привычным, устало-безнадежным тоном ответил я.

Паша открыл рот, но возразить ему не позволила настойчивая трель дверного звонка. Вместо ответа он захлопнул рот, посмотрел на меня подозрительным глазом и спросил, чуть ли не шепотом:

– Ты кого-то ждешь?..

– Нет... – пожал я плечами, удивленный не меньше его.

– Так может мы никого не пустим? Все равно коньяка у меня больше нет.

Однако звонок продолжал настойчиво верещать. Было ясно, что этому нежданному гостю отлично известно мое местонахождение.

Я встал и направился в прихожую. Подойдя к входной двери, я заглянул в глазок, однако с другой стороны он был прикрыт, по всей видимости пальцем.

– Ну, кто там балуется? – строго спросил я.

– Открывай, Гэндальф – Серый Конец! – послышался из-за двери девчачий голосок, причем, «Гэндальф – Серый Конец» прозвучало, как пароль.

Я открыл дверь. За ней стояла Машенька. В голубых джинсиках, белой дутой куртке и белой шапочке, с горлом, обмотанным длинным белым шарфом, она была замечательно симпатична, однако я обратился к ней достаточно сурово:

– Что надо, Машеус?..

– Фу! Какой грубый! – Маша скорчила презрительную физиономию, – Неужели ты докатился до того, что будешь держать своего старого друга, тем более девушку, на пороге?

Мне пришлось посторониться, приглашая ее пройти внутрь. Маша легко перепорхнула порог и, водрузив на тумбочке небольшой полиэтиленовый пакет, бывший у нее в руках, принялась раздеваться. Заметив на скамейке Пашину кожанку, она подняла на меня глаза:

– У тебя гость?..

– Ага... – безразлично бормотнул я.

– Так может я не вовремя? – ее руки застыли на лацканах куртки.

– Вовремя... – пробурчал я.

Машеус скинула куртку на крючок и вопросительно посмотрела на меня.

Я молча кивнул и направился в комнату. Девчонка последовала за мной и, увидев сидящего в кресле Пашеньку, обрадовано воскликнула:

– Отлично!

– Да? – повернулся я к ней. Она радостно покивала. Тогда я указал ей на второе кресло, а сам отправился на кухню за табуреткой для себя и бокалом для Машеуса.

Правда, когда я вернулся, она уже прихлебывала коньяк из моего бокала. Я подсел к столу и, обращаясь к Маше, кивнул на Пашеньку:

– Видишь типа? Явился ко мне и заявляет, что хочет вернуться в Кинию.

– Я тоже хочу... – спокойно произнесла Машеус.

– Вот как? – снова удивился я, – А тебе-то это зачем?

Машеус бросила на меня долгий взгляд, содержащий явную жалость к моим мыслительным способностям, и молча покачала головой. В ее ушах посверкивали знакомые изумруды в серебре, словно удивляясь тому, насколько мужчины могут быть тупыми.

– Да он тоже хочет, – кивнул в мою сторону уже запьяневший Паша, – Только сомневается в своих колдовских способностях.

Машеус бросила в мою сторону еще один жалостливый взгляд и потребовала:

– Но попытаться ты все-таки можешь?!

Она втянула своим курносый носиком запах согревшегося коньяка, пригубила из бокала темной жидкости и, покатав ее во рту проглотила. После чего зажмурила глаза и на выдохе произнесла:

– Если ты не сможешь этого сделать, то этого не сможет сделать никто...

– Поэтому он и боится! – кивнул головой пьяный исполнитель роли хоббита, – Если у него не получится, никакой надежды не останется, а для него лучше крошечная надежда, чем полная уверенность в своей никчемности.

И в этот момент я понял, насколько прав Паша. Этот недоделанный Фродо, словно заглянул в глубину моей души и высказал то, что я сам боялся сказать даже себе самому!

«Вот зараза мохноногая!» – мелькнула в моей пока еще трезвой голове беззлобная мысль, и я тут же поймал себя на том, что думаю о Пашеньке, как о хоббите из рода Мохноногов.

Я снова поскреб свой давно небритый подбородок и поднял взгляд на своих друзей. Оба они молча рассматривали меня, дожидаясь достойного ответа на Пашино замечание. Пока я придумывал этот ответ, в прихожей снова раздалось настойчивое дребезжание звонка, и мои сапожники в один голос заинтересовались:

– Ты кого-нибудь ожидаешь?!

Я молча пожал плечами, выражая недоумение и пошел в очередной раз открывать дверь.

Как вы наверное сами догадываетесь, за дверью стоял Элик Аббасов, сжимая в своем пудовом кулачке беззащитный полиэтиленовый пакет.

– Я по делу! – произнес он, как только моя физиономия появилась в проеме открывающейся двери, и попер на меня всей своей массой, ни минуты не сомневаясь, что я немедленно уступлю ему дорогу.

Я, действительно, посторонился в основном из-за проснувшегося любопытства – а что такое скажет немногословный Душегуб в обоснование своего желания вернуться в Кинию?

Элик скинул курточку на крючок и молча, не оглядываясь на хозяина квартиры, направился напрямик в комнату. Увидев находящихся там персонажей, он ничуть не удивился, а пробурчал нечто вроде «прекрасно» и извлек из своего пакетика... бутылку «Ахтамара», вызвав уважительный взгляд всей нашей троицы, три здоровенных лимона и коробку шоколадных конфет.

Ну а я, естественно, поплелся на кухню за очередным бокалом и последней табуреткой.

Оставшаяся табуретка была колченогой, и перед ее употреблением требовалась тщательная настройка одной из ножек, чтобы в самый неожиданный момент не оказаться на полу. Так что мне пришлось несколько задержаться на кухне, а в это время в комнате уже слышался звон бокалов. Когда я вернулся к своим друзьям, они, похоже, уже клюкнули по одной, и Паша вещал собравшимся, как его гениальное исполнение роли пьяного капитана в пьесе господина Коляды «Дураков по росту строят» потрясло общественность города Судогды Владимирской области.

– Вы не поверите, – тряс Паша ладошками перед собственной физиономией, – Но когда я упал третий раз, зал просто взорвался аплодисментами и тут же началась драка!..

И тут он как-то сник и горько пробормотал:

– Но лучшая моя роль – это, все-таки, Фродо Сумникс...

Я пристроился к столу и подсунул свой пустой еще бокал поближе к Элику. Тот набулькал мне до половины и после того, как я пригубил этот нектар богов, неожиданно заявил:

– Нам всем необходимо вернуться в... ну, туда... назад! – и Элик оглядел компанию внимательным, трезвым взглядом, словно хотел убедиться, что мы его правильно поняли. Мы его правильно поняли. Машеус энергично тряхнула головой, Паша икнул и выдал: – Ну!..

Я хмыкнул, улыбнулся и тоже подтвердил понимание:

– В нашем разговоре появилась свежая струя. Все предыдущие ораторы говорили, что хотят вернуться... туда... Но сейчас мы услышали слово «должны»! Пусть докладчик объяснит сколько и у кого я занимал?..

– Занимал?.. – не понял Элик.

– Ну, если я кому-то должен, значит я у кого-то занял! – пояснил я свое требование.

– Тебе не хватит коньяку? – совершенно не к месту поинтересовалась Машеус.

– Я же, в свое время, не ограничивал вас в пиве?! – тут же огрызнулся я в ее сторону. Наверное, я сделал это слишком резко, Машеус неожиданно покраснела, хотя ей это было совсем не свойственно.

– Я поясню, кому и сколько мы должны, – перевел разговор на прежние рельсы Элик, – Только вы внимательно послушайте меня.

Он снова оглядел нас строгим взглядом, даже Пашенька подтянулся и чуть протрезвел.

– Значит так, – начал Элик и, чуть прихлебнув из своего бокала, поставил его на стол, – Я летом защищаю диплом...

– Поздравляю!.. – тут же брякнул Паша, но, встретив тяжелый взгляд тролля, смутился, – Пршу прщения...

– Так вот, летом я защищаю диплом, тема которого «Социальные причины детской немотивированной преступности». Естественно, я начал собирать для него данные. Я поднял необходимую мне информацию за последние десять лет, и обнаружил довольно стран-

ную вещь. Последние шесть месяцев отмечены рядом каких-то совершенно изуверских случаев, главными героями которых стали дети от шести до четырнадцати лет.

Элик снова оглядел нас, убеждаясь, что мы достаточно внимательны. Потом он полез в задний карман брюк и вытащил сложенный вчетверо листок бумаги.

– Вот я специально для вас сделал выписки...

И он начал читать. Это были выдержки из материалов, опубликованных в газетах. Информация действительно была жутковатой. Особенно мне запомнились две из приведенных Эликом статей.

В первой, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», рассказывалось о рождественском пикнике, устроенном для учеников одной из элитных мужских школ Нью-Арка в декабре прошлого года. Ребятишки девяти-двенадцати лет, общим числом восемнадцать, выехали с двумя своими преподавателями на расположенную недалеко от города ферму, для встречи с Санта Клаусом. Поначалу все шло очень хорошо, детки вместе с преподавателями и хозяевами фермы веселились, пили кока-колу, ели чизбургеры с хот-догами, или что там еще. Но совершенно неожиданно, как раз в тот момент, когда к ферме должен был подкатить на оленьей упряжке заказанный Санта Клаус, с детьми произошло нечто странное. Мальчишки затеяли во дворе какую-то озорную игру, а когда преподаватели попробовали их успокоить, закололи обоих... вилками. Причем, они втыкали свои столовые приборы в двух взрослых мужчин, пока те не перестали шевелиться. После этого мальчишки из элитной школы загнали хозяина фермы вместе с женой и двумя детьми в погреб, выкопанный под домом и запалили дом. Дом пылал всюду, когда к нему подъехал Санта Клаус и увидел, как восемнадцать элитных школьников весело отплясывают на пожарище. Актер, исполнявший роль Санта Клауса, попробовал выяснить у ребят, что же здесь произошло, и получил ответ, что они веселятся. А когда он попытался по своему мобильнику вызвать полицию и пожарных, ребятишки сломали ему руку, затем освободив его мешок от подарков затолкали в него Санту и спустили его в протекавшую поблизости речку. Беднягу спасло только то, что река была быстра, но неглубока, и он отделался всего лишь пневмонией.

Пожарные и полиция все-таки приехали, их вызвали с соседней фермы, увидев в небе зарево. Деток посажали в автобус и привезли в школу, куда сбежались и напуганные родители.

Самое поразительное заключалось в том, что малолетние преступники сами рассказали о своих подвигах, ничего не скрыв от изумленных родителей и следователей. На вопрос – почему они пошли на убийство своих преподавателей, детишки отвечали, что те мешали им веселиться. А свою расправу над хозяйской семьей и несчастным Сантой они объясняли тем, что это было очень весело.

В общем, полное веселье.

Корреспондент сообщал, что все участники этого увеселительного мероприятия здоровы, но помещены в закрытое медицинское учреждение, поскольку дети «... неадекватно оценивают свои действия и остаются опасными для окружающих».

Второй случай произошел на нашей милой Родине в недалекой от Москвы Коломне. Два мальчика десяти и двенадцати лет в течение одного вечера жесточайшим образом расправились над девятью жертвами. Шестеро из них были их сверстниками, двое взрослыми людьми, а последний – старик семидесяти двух лет. Из этих девяти человек выжили только двое, но и они на всю жизнь останутся калеками.

Пацанов задержал наряд милиции и отвез их в отделение, где они попытались напасть на дежурного, взявшегося вести среди них воспитательную работу. Свои жуткие расправы малыши объяснили тем, что «... никому не позволят спорить с собой или утверждать, что они не правы».

Элик прочитал нам четыре таких истории, хотя по его словам их у него было собрано больше двадцати. Когда он закончил, мы долго молчали, потрясенные услышанным, и, как всегда, первым нарушил это молчание Пашенька:

– Я что-то не понял, какое отношение эти газетные рассказы имеют к нашему... к нашей Кинии?

Тут же встрепенулась Машеус:

– А может у Элика есть еще какие-то соображения на этот счет? В конце концов, он собирал эти сведения и как-то обрабатывал...

Мы снова повернулись к нашему троллю.

– Соображения есть... – медленно проговорил он, – Но сначала посмотрите, что получается. Итак, за шесть последних месяцев произошло двадцать два случая зверских убийств, совершенных детьми. Во всех имеющихся у меня публикациях говорится только о... мальчиках. Ни одной девчонки во всех этих приключениях не участвовало. Всего таких мальчишек-изуверов набирается восемьдесят четыре человека. Интересна и хронология этих... случаев. Они происходили регулярно, через каждые шесть-семь дней, более длительные перерывы случаются всего дважды и составляют четырнадцать дней. Мне кажется, что таких случаев было двадцать четыре, я просто не нашел нужных сообщений или... об этих случаях не узнали газетчики. Места этих происшествий, казалось бы ничем и никак не связаны, однако, мне удалось найти эту связь, когда я принялся, казалось бы бесцельно, блуждать по страницам мировой печати.

В совершенно других, порой научно-популярных изданиях я обнаружил сообщения о неких странных атмосферных явлениях. В целом ряде мест на нашей Земле наблюдался необычный феномен: внезапно наступала мертвая тишина, как будто все живое на мгновение замирало, не было слышно даже журчания воды в реке, а затем раздавался такой звук, словно лопалась басовая струна. После этого в воздухе появлялись яркие серебристые блески, которые быстро тускнели и исчезали. И все.

Я нашел рассказы двенадцати свидетелей подобных явлений. И, как оказалось, все двенадцать произошли в непосредственной близости от мест, где пару часов спустя маленькие мальчики принимались убивать и калечить всех подряд. Повторяю, это явление зарегистрировано в двенадцати случаях из имеющихся у меня двадцати двух. Но...

– И что? – опять встрял торопыга-Паша.

– А ты вспомни, что сопровождало наш перенос в Кинию и обратно?! – задумчиво проговорила Машеус и многозначительно посмотрела на меня.

Вот тут мы замолчали надолго! Даже Паша, казалось, протрезвел.

Наконец я прервал затянувшееся молчание:

– Значит ты считаешь, что...

– Ты понимаешь, – перебил меня Элик, – Эти мальчики не сошли с ума, не помешались, они прекрасно понимали, что они делают. Только вот оценивали они все, и в первую очередь свое поведение, совершенно не так, как должен был им подсказать их хоть и небольшой жизненный опыт! Они становились агрессивны до жестокости, самовлюбленны и эгоистичны, безразличны к окружающим. Останавливались они только тогда, когда попадали под пристальное наблюдение вооруженных взрослых, то есть тогда, когда понимали, что получают жестокий отпор!

– И из этого ты делаешь вывод...

Элик молча посмотрел мне прямо в глаза, потом вздохнул и ответил:

– Они стали бездушными... Они стали **без души**! И добрались до них... оттуда, из того Мира... кто-то оттуда похитил их души... И я думаю, что если не вмешаться, эти визиты за душами наших земных мальчишек будут продолжаться. Теперь вы понимаете, почему я говорю, что мы должны вернуться туда?!

И все трое повернулись в мою сторону, как будто я один был против идеи возвращения. Ребята явно преувеличивали мои возможности.

– Ну и что вы на меня уставились? – спросил я, криво улыбаясь.

– А на кого нам еще уставляться? – передразнил меня Паша, – Ты ж у нас крутой колдун, нам больше не на кого надеяться!..

– Нет, ну вы на них посмотрите, – моя ирония должна была быть совершенно убийственной, – Нашли себе крутого колдуна! Да где вы видели на Земле колдунов?! Это там, в том Море я мог что-то наворожить... наколдовать... Да и то моя слава была о-о-очень преувеличена! А здесь... Да здесь ни одно заклинание не работает!

– А ты пробовал?! – прервал мой убийственно ироничный монолог Элик.

Я посмотрел на его суровое, сосредоточенное лицо, потом на Машеуса и Пашу, взиравших на меня с не меньшим осуждением, и неожиданно для самого себя выдохнул: – Нет...

– А говоришь не работает!.. – обиженно покачала головой Машеус.

– Вы что, серьезно что ли думаете, что я смогу здесь заниматься магией?..

Признаться, я здорово растерялся. Мне с самого нашего возвращения было абсолютно ясно, что все мои магические способности остались в том неведомом краю, куда мы попали против своей воли и откуда были выброшены чужим старанием. Мне и в голову не могло прийти, что хоть какой-то из известных мне наговоров может сработать здесь, в Москве. А вот ребята, похоже, думали совсем по-другому!

– А ты попробуй!.. – предложил Пашенька совершенно трезвым голосом.

– Что, прямо сейчас?.. – я с некоторым разочарованием посмотрел на свой бокал.

– Можно немного погодя... – разрешил добрый Паша.

– Подождите, ребята, – вмешался умный, осторожный и прагматичный тролль, – не надо давить на человека.

Элик повернулся ко мне и заговорил очень проникновенно:

– Думать и решать тебе. Но если ты не сможешь перенести нас туда, этого не сможет никто. А если никто туда не сможет попасть, как остановить то, что вытворяют с нашими земными ребятами?

Я хотел кое-что ему сказать, но он поднял руку, останавливая мою реплику:

– Те двадцать два случая о которых я рассказывал, не выдумка, ты представляешь, что будет, если они не прекратятся?! Ты представляешь, что будет, когда кто-то догадается о систематическом уродовании наших детей, когда кто-то поймет, что все это происходит совсем не случайно! Поэтому я считаю, что нам необходимо это остановить, а значит нам необходимо попасть в Кинию!

– Но, понимаешь... – неуверенно начал я, – Я даже не знаю с чего начать... я не представляю себе, как это можно сделать... Я...

Больше слов у меня не было. А Элик смотрел на меня исподлобья и ждал, что я еще выдавлю из себя. Поняв, что больше мне сказать нечего, он вздохнул и ответил на мою мало-вразумительную фразу:

– Ты не переживай, мы понимаем, что сегодня вечером ты нас перебросить не сможешь. Нам надо, чтобы ты задумался над этим вопросом и попробовал свои колдовские штучки, а вдруг что-то сработает. Ну а дальше все будет зависеть от твоего таланта...

– И от твоего желания... – добавила Машеус.

– И твоего везения... – улыбнулся Паша какой-то кривой, жалкой улыбкой.

Элик разлил остатки коньяка по бокалам, причем Машеусу досталось всего несколько капель, но та не возражала. Тролль поднял свой бокал и, посмотрев на меня глухо сказал:

– За тебя, твой талант и твою удачу...

И мы выпили.

После этого ребята очень быстро засобирались по домам. Когда они, уже одетые, трясли мою руку в прихожей, мне пришло в голову, что Пашеньке, возможно, негде в Москве переночевать.

– Может, останешься?.. – повернулся я к нему, – Я тебе брошу матрасик на кухне.

– Нет... – покачал он головой, – Мы тебя отвлекать не будем.

– Мы тебя отвлекать не будем... – поддержал хоббита тролль, – А за Мохнонога ты не беспокойся, мы его не бросим.

Ребята ушли. За окном еще было светло, но уже чувствовалось приближение вечера. Я принялся наводить порядок в комнате. Отнес на кухню табуреты, пустые бутылки и бокалы. Помыл посуду, вытер ее и убрал в шкаф. Делая все не торопясь, обстоятельно, но автоматически, не задумываясь. В голове вертелись обрывки нашего разговора.

Закончив с кухонными делами, я взял тряпку и направился в комнату вытереть стол. На темной столешнице одиноко белел сложенный вдвое листок бумаги. Я взял его и развернул. Весь листок был исписан мелким, четким почерком, каждый абзац пронумерован. Всего на листке было тридцать четыре пункта, каждый из которых содержал название газеты, дату ее выпуска, название статьи и очень короткое ее изложение. Полный перечень находок Элика.

Несколько минут я стоял и медленно перечитывал написанное. Потом сунул листок в карман, протер столик и отнес тряпку на кухню. Вернувшись в комнату я сел за письменный стол, отодвинул папку с диссертацией и положил перед собой троллев листок.

В комнате быстро темнело, но мне это было на руку. Я не отрываясь смотрел на смутно белевший клочок бумаги, а перед моим внутренним взором ярко и динамично проходила все наше прошлотнее приключение. И как нас, четверых участников ролевой игры, потерявшихся в лесу, перенесло в совершенно иной Мир, и как ребята перепились пива и действительно превратились в эльфа, хоббита и тролля. И как мы попали в Замок Качея, как в моих руках оказалась небольшая говорящая книга заклинаний, ставшая моей главной учительницей. Как я... как мы все увидели призрак прекрасной королевы Кины Золотой, и что он нам рассказал о своей судьбе. Как мы с Шалаем и его гвардейцами отправились за телом моей Кины в самое логово ее страшного врага. С какими невероятными трудностями, продираясь сквозь колдовство, кровавые схватки, предательства, мы все-таки смогли выкрасть это страшно не мертвое тело из Храма и доставить его в Замок. И как мне в последний момент с помощью Отшельника Тама все-таки удалось соединить тело и душу моей королевы... и как меня... нас наградили...

Я выдвинул нижний ящик стола и достал из-под старых бумаг свой почетный знак «Опора трона». Большая золотая брошь легла рядом с исписанным листом бумаги, посверкивая в вечернем свете чуткими бриллиантовыми брызгами.

Я смотрел на этот знак королевской милости и мне было горько и тоскливо. Сразу вспомнилось, как Епископ уговаривал меня продать ему свою душу, как он расписывал преимущества бездушного существования. И еще я вспомнил рыцарей Храма – страшных, тряпичных кукол в сверкающих серебром доспехах, оживленных отнятыми, выкраденными, купленными душами!

Мой взгляд снова упал на исписанный листок. Теперь души крадут у наших мальчишек... Похоже Епископ действительно смог довести свое экспериментальное заклинание и теперь способен приходить за душами на Землю. Он не случайно выбрал именно детские души – они наиболее молоды, а значит, долговечны, они податливы, и их можно научить всему, чему угодно... И о телах заботиться не надо, они ведь остаются здесь, на Земле. Тела лишенные души, не знающие что такое жалость, сострадание, совесть, грех. Тела, готовые на все, ради удовлетворения своих желаний, своих капризов. Именно тела, поскольку людьми этих мальчиков назвать уже нельзя! Я живо представил на что готов такой «кадавар» ради

достижения своих личных целей, и что он может натворить, если ему удастся скрыть свое существо и вырасти во взрослую особь!

Мне стало жутко!

Епископа действительно необходимо было остановить и сделать это как можно скорее. Элик прав! Тысячу раз прав! Нам необходимо вернуться в... хм... Кинию...

Весь вопрос – как?!

В комнате стемнело. Я убрал знак «Опоры трона» в ящик стола. Потом встал и направился в прихожую. Одевшись, я вышел из квартиры и спустился на улицу.

В воздухе пахло весной. Фонари еще не зажигались, но было достаточно светло, чтобы наслаждаться прогулкой, не боясь замочить ног в весенних лужах. Я медленно шагал по тротуару, вдыхая свежий весенний воздух и с интересом оглядываясь по сторонам. Во дворе соседнего дома, на огороженной сеткой площадке два десятка мальчишек гоняли мяч. Я, сам футболист со стажем, остановился посмотреть за игрой. Борьба на площадке шла не шуточная, злая, но в тоже время корректная, без подлянок. И вдруг, в какой-то момент, я представил себе, что сейчас наступит мертвая тишина, такая тишина, что исчезнет даже скрип ботинок на подтаявшем снегу, затем раздастся звук лопнувшей басовой струны и в воздухе замелькают серебристые блески. А через пару часов после того как они исчезнут эти мальчишки бросят свой мяч и отправятся кого-нибудь калечить и убивать... Ведь восемьдесят четыре таких мальчишек уже есть. Скоро их станет восемьсот сорок, потом – восемь тысяч четыреста, потом...

Мне стало жутко! Все сегодняшние олигархи, крестные отцы, организованные преступники, серийные убийцы и прочие отморозки показались мне безобидными щенками. Вот когда на просторы нашей планеты выползет двуногое чудовище по-настоящему лишенное души, вот тогда мы узнаем что такое беспредел!

Я вернулся домой, поужинал и улегся в постель. Смотреть телевизор мне сегодня совершенно не хотелось. Правда заснул я тоже далеко не сразу. Я смотрел в темный потолок и перебирал в голове так хорошо известные мне заклинания, проборматывал наговоры, перекачивал на языке их, порой совершенно невозможные, звуко сочетания, вспоминал чудовищную, произносимую фонетику, воображал сопровождающие их пассы. Но попробовать воспроизвести хотя бы одно из них, хотя бы самое простенькое и безобидное, так и не решился. Я элементарно трусил.

Наконец мне удалось заснуть, и в первый раз с момента моего возвращения из того невероятного путешествия, мне приснилась не Кина, а Епископ. Мне снилось, что он снова догоняет меня на своем жутком, чудовищном звере и, улыбаясь, говорит, что с нетерпением ожидает моего возвращения, хотя помогать мне вернуться в его Мир он и не думает.

– Ты вполне справишься сам, – щерит он свои зубы в знакомой ухмылке, – А не справишься, я всех ваших мальчишек перетаскаю к себе. Мне молодые души очень даже пригодятся!

Во сне мне было очень тоскливо, безысходно. Однако, когда я проснулся, в окно светило яркое весеннее солнце. Вода в душе показалась мне прекрасной. Вчерашний коньяк не оставил никаких следов на моем самочувствии. Так что я с удовольствием позавтракал и отправился в бывшую Ленинку, нынешнюю Государственную библиотеку.

Выйдя из метро, я вдруг почувствовал, что во мне пробудилась какая-то живая энергия, словно плотина моей тоски наконец-то рухнула и ее остатки размывает живое желание жить и действовать. Я понял, что у меня появилась цель!

В библиотеке я заказал газеты, указанные в оставленном Эликом листочке и ознакомился с собранными им данными по, так сказать, первоисточникам. Все заметки, за исключением двух, были короткими и крайне скупыми на факты. Кроме того они, как правило размещались отнюдь не в криминальной хронике, а в рубриках, которые освещали непро-

веренные факты, курьезы, слухи, короче, все то, чему большинство читателей не придает серьезного значения. Только если не обращать на это внимания, картина получалась такой, какой ее обрисовал Элик, и даже, пожалуй, еще более удручающей, потому, что тот, щадя, видимо, чувства Машеуса, опустил особо кровавые и жестокие подробности.

Закончив свой обзор, я перекусил в кафе рядом с библиотекой, а потом долго гулял по центру Москвы. Мысли в моей голове бродили самые разные, одна из них состояла в вопросе – почему ни один из случаев похищения душ не произошел в крупном городе планеты? Почему вообще в городах, в маленьких городах, произошло всего пять таких случаев? Почему нападения этого, хорошо знакомого мне, душелюба происходили, как правило, в сельской местности на обособленные группы детей?

Понедельник у меня, как обычно, был очень загружен, так, что я не заметил, как он проскочил. Часов в шесть вечера я оказался в административном корпусе нашей академии, в приемной проректора по научной работе. Сдав секретарю на оформление кое-какие документы, я вышел в коридор и направился в главный учебный корпус, но уже через пару шагов вспомнил, что столовую, через которую лежал мой путь, скорее всего уже закрыли, да и крытый переход из лабораторного корпуса в этот час уже не функционировал.

Я остановился в раздумье, какой путь мне выбрать – уж больно мне не хотелось шагать к себе по улице. И тут мне в голову пришла хулиганская мысль – а что если я попробую известное мне простенькое заклинанье, которое в моей книжечке называлось «Заклинанье спрямленной тропы». В том, другом Море я использовал его несколько раз, и оно прекрасно срабатывало.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что коридор абсолютно пуст, я негромко пробормотал требуемую абракадабру, сопроводив ее необходимыми жестами, и с удивлением убедился, что заклинание сработало! От моих ног, по линолеуму пола пролегла тоненькая, слабо светящаяся зеленая ниточка.

Я зашагал по проложенному заклинанием проводничку и через два десятка шагов уперся в стену коридора. Зеленая ниточка в этом месте делала резкий поворот и уходила прямо под стену. Я остановился, секунду смотрел на предложенную мне «спрямленную тропу», пожал плечами и... шагнул прямо в стену. Для меня стены не было! Я прошел ее насквозь!

Правда, в момент прохода сквозь эту железобетонную преграду у меня возникло такое ощущение, словно я всем телом прорвал туго натянутый лист бумаги. Но самое поразительное заключалось в том, что из стены я вышел... на заплыванный асфальт тротуара рядом с входом на станцию метро «Рязанский проспект»!

Естественно я замер на месте. А как бы вы поступили, неожиданно оказавшись в двух с лишним километрах от коридора, по которому только что шли?!

Время было пиковое, и у входа в метро топталась целая толпа народа. Конечно, в меня тут же врезалась какая-то тетка с двумя тяжеленными сумками в руках. Пробормотав что-то очень нелестное о мужиках, появляющихся неизвестно откуда перед самым ее носом, тетка подозрительно на меня посмотрела и возобновила свое стремительное движение к входу в метро, а я отскочил в сторону и поежился. Моя легкая водолазочка, прикрытая сверху не менее легким пиджачком, слабо защищала меня от ранневесенней уличной прохлады. Кожаное пальто, в котором я франтил последние дни, осталось на кафедре, но возвращаться в институт мне почему-то не хотелось, да, впрочем, было и незачем.

Позвякав в кармане монетками, я направился было вслед за теткой с сумками, но меня остановила новая мысль – а почему бы не попробовать еще одно заклинание, раз хоть что-то получается. Вдохновленного меня уже не останавливало то соображение, что сработало мое заклинание не совсем так, как должно было бы.

Я обошел стеклянную коробку входа в метро и вышел на узкую улочку, забитую автобусами и машинами, но практически свободную от пешеходов. Остановившись на пустом тротуаре, я прикрыл глаза, сосредоточился, детально представил себе собственную приходящую и принялся читать «Заклинание возвращения домой». Это заклинание было довольно сложным и требовало очень напряженной работы рук, к тому же, когда я уже заканчивал этот короткий наговор, за моей спиной раздался сердитый крик маленького начальника:

– Эй, ты!.. Ты, в свитере!.. Немедленно прекрати размахивать руками и подойди ко мне!..

Я было оглянулся, полюбопытствовать, кому это помешали мои размахивания, но в этот момент произнесенное заклинание начало действовать. Все мое тело задрожало мелкой дрожью, а затем послышался странный тоненький визг. Боковым зрением я видел, как к тому месту где я стоял быстрым шагом подходил милиционер. При этом он как-то странно, с совершенно ошарашенным выражением лица смотрел на меня. Остановившись совсем рядом, он повернулся чуть в сторону и спросил:

– А где мужик?!

– Не знаю... – растерянно ответил ему женский голос, но я не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, кто отвечает стражу порядка. Меня же они оба, похоже, уже не видели.

– Вот же он, только что тут стоял!.. – заорал этот самый страж порядка, трясая перед своим животом раскрытыми ладонями.

– Стоял... – согласился женский голос, – Еще бормотал что-то и руками махал, как сумасшедший...

– Ну, – облегченно воскликнул милиционер, поняв, что я ему не пригрелся, – А теперь он где?!

– Не знаю, – повторил женский голос.

– Как это «не знаю»? – заорал милиционер, – Он же стоял прямо перед твоим носом!

– На свой нос смотри! – заорала в ответ женщина, видимо обиженная за свой нос, но дослушать до конца это занимательное разбирательство мне не удалось. Настойчиво звучащий визг исчез, уйдя за пределы слышимости, а вместо него раздалось гулкое басовое «А-а-а-м-м-м»... И я оказался в песочнице, во дворе собственного дома.

Вы никогда не сидели в детской песочнице в начале апреля? Так чтобы при этом на вас были только брюки и легкая водолазка? Вот и я тоже до этого не сидел. И больше постараюсь не сидеть, хотя зарекаться, как вы сами понимаете, ни от чего не следует. Только уж в больно мерзопакостное состояние впадаешь, выбравшись из такой песочницы. И чего дети находят в ней хорошего?..

Добравшись до своей квартиры, благо добираться было недалеко, я тут же скинул мокрые, грязные брюки, здорово повлажневшую водолазку, все остальное, и тут же залез в ванну. Согревшись, помывшись и немного придя в себя, я выбрался из этого личного храма чистоты и отправился в храм желудка, то бишь на кухню. Там я соорудил себе сложносочиненный бутерброд из половины батона, разрезанного вдоль и накрытого всем, чем только можно накрыть батон, заварил свежего чаю, не пожалев для пострадавшего тела сахару и принялся размышлять над результатами своих магических экспериментов.

По всему получалось, что мои заклинания срабатывали. Вот только срабатывали они таким странным образом, что пользоваться часто ими не стоило. Пожалуй, ими вообще не стоило пользоваться во избежание порчи одежды, а также возможных травм, как телесных, так и душевных. Похоже, силы приводившиеся в действие моими заклинаниями, срабатывали с искажениями. То ли я произносил заклинания с акцентом, то ли магнитное поле Земли было иного напряжения, чем на родине этих заклинаний. И тут мне пришло в голову, а что если попробовать поколдовать где-нибудь в сельской местности?

В этот момент случилось два происшествия, прервавших мои размышления. Во-первых, кончился мой бутерброд, а во-вторых, зазвенел телефон.

Торопливо глотнув уже остывшего чая, я направился в комнату. Едва я успел произнести свое «слушаю», как в трубке зарокотал давно мною не слышанный хрипловатый баритон Резепова:

– Слушай, ты не можешь проехать со мной в недалекое Подмосковье?

– Когда и куда? – Тут же переспросил я.

– За Серпуховом, на берегу речки Протвы имеется маленький городишко Протвино. На его окраине, в собственном коттедже обитает моя двоюродная сестра со своим семейством. Так вот, у нее внезапно заболел сынишка...

– Ну, ты даешь, Санек, – перебил я Резепова, – Это недалекое Подмосковье располагается как раз на границе с Калужской областью. Ну и кроме того, я же не врач.

– А ты дослушай... – невозмутимо проговорил мой конопатый друг, – Моя сестренка утверждает, что мальчишка заболел после того, как они увидели такое интересное сияние. Ну словно блески серебристые в воздухе порхали...

– Когда едем?.. – снова перебил я его, на этот раз гораздо более взволнованно.

– Так и знал, что тебя этот случай заинтересует, – удовлетворенно констатировал Сашка, – Я думаю выехать в пятницу. Туда от Москвы километров восемьдесят, дороги оттаили, так что за пару часов доедем. А вернемся в воскресенье...

Мы договорились о месте и времени встречи, и пожелали друг другу всего хорошего.

Всю неделю, несмотря на очевидный риск вляпаться в какую-нибудь неприятность, я пробовал «на вкус» различные заклинания и наговоры. Результаты были очевидны и неутешительны – заклинания срабатывали самым неожиданным образом. Мои магические эксперименты закончились поздно вечером в четверг после того, как наговорив заклинание «Всевидающего ока» я, вместо того чтобы обрести Истинное Зрение, увидел на своем столе глаз размером с глубокую тарелку. Не знаю у какого зверя мое заклинание изъяло этот орган зрения, но когда этот глазище осуждающе мигнул остатком полуоторванного века, мне стало очень нехорошо. Я быстро сбегал на кухню за половой щеткой и ведром, смахнул моргающий сувенир в емкость и, спустив его в мусоропровод, с облегчением подумал: – «Хорошо, что я не дошел до заклинания „Полной правды“, а то получил бы в подарок слоновий язык. Представляю, что бы он мне высказал по поводу моих магических способностей».

Глава 2

Первый шаг после произнесения заклинания необходимо выполнять перпендикулярно вектору его направленности, в противном случае вы можете оказаться под прямым воздействием обратной петли.

Проще говоря – смотри куда прешь!

В пятницу ранним вечером Сашка подобрал меня у станции метро «Тульская» и мы на его старенькой «восьмерке» отправились на самый юг Московской области в сторону города Серпухова. Симферопольское шоссе за кольцевой дорогой было достаточно свободным, поскольку дачный сезон у москвичей еще не начался, так что доехали мы до городка Протвино, как и планировали за два с небольшим часа.

Коттедж на окраине городка, к которому мы подъехали, был погружен во тьму. Освещенными были лишь два окна на втором этаже, де еще лампочка над входом в дом бросала желтый круг света на дверь и крылечко в две ступени перед нею.

Сашка подрулил к воротам, вышел из машины и по-хозяйски принялся бренчать ключами над воротным замком. Распахнув металлические створки, он завел свой лимузин на стояночную площадку и отправился запирать ворота, а я вылез со своей небольшой сумкой из машины и с интересом огляделся вокруг. Было уже достаточно темно, но я все-таки разглядел, что коттедж расположился недалеко от берега реки, так, что ее серебристую ленту вполне можно было разглядеть. За рекой расстилалось довольно большое открытое пространство, а за ним, судя по всему, начинался лес.

В этот момент входная дверь отворилась и из-за нее выглянул парень моих лет в легких джинсах, фланелевой рубашке и тапках на босу ногу. Посмотрев на меня с оценивающим прищуром, он поинтересовался:

– А ты к кому?..

Однако я ничего не успел ему ответить – за моей спиной раздался Сашкин голос:

– А мы к вам, Игорек... Лена мне звонила, вот мы и приехали... А это Серега, я вам о нем рассказывал.

Взгляд Игорька переместился за мою спину, и его прищур мгновенно исчез в довольной, широкой улыбке:

– Сашок, как хорошо что вы смогли к нам выбраться! Проходите, а то холоду в дом напустим, – Игорь отступил в дом, пропуская нас.

Мы вошли внутрь, и Игорь сразу повел нас по неширокой деревянной лестнице наверх, на второй этаж, по пути приговаривая:

– Мы вас в одной комнате поместим – меньше топить и теплее будет. Хотя у нас днем уже припекает, но ночью еще холодновато. Сейчас вы разместитесь, а я Ленке скажу, чтобы она ужин собрала...

– Как Толька?.. – перебил Игоря Резепов.

– Сейчас практически все в порядке, – несколько торопливо ответил Игорь, – А пять дней назад он нас здорово напугал. Да вот ужинать сядем, мы вам все расскажем.

Он толкнул простую деревянную дверь и пропустил нас в небольшую комнату, в которой стояло две узкие кровати и одна тумбочка. За дверью, прямо на дощатой стене была прибита вешалка, под которой сиротливо притулились две пары больших, изрядно поношенных тапок. Кровати были застелены чистым бельем, имели подушки и толстые шерстяные одеяла. Под окном жарко тлела спираль электрического камина.

– Раздевайтесь и спускайтесь на кухню, а я пойду за Ленкой, – скороговоркой проговорил Игорь и прикрыл дверь.

– Выбирай, – кивнул Сашка на кровати и начал стаскивать с себя свой старый пуховик.

Я поставил свою сумку у дальней от окна кровати, снял свое франтоватое кожаное пальто и аккуратно повесил его на вешалку. Затем, сбросив ботинки, я всунул ноги в тапки и повернулся к Резепову:

– А ручки перед едой помыть в где этом доме можно?

Сашка только молча кивнул, приглашая меня за собой.

Мы спустились на первый этаж. Под лестницей находилась узкая дверь, которая вела в просторный санузел. Умывшись, мы направились на кухню, где уже сидел за столом Игорь, а возле плиты сутилась невысокая светловолосая круглолицая и веснушчатая девчонка, про которую можно было сразу сказать, что она из породы Резеповых.

Как только мы оказались за столом, перед нами были поставлены большие тарелки, наполненные яичницей с салом. Игорь свинтил крышечку с бутылки «Столичной» и наполнил маленькие хрустальные стопочки.

Выпив холодной водки, мы набросились на яичницу, а Леночка присела к столу и с удовольствием наблюдала за уничтожением своего гастрономического шедевра.

Когда первый голод был утолен, Игорь снова наполнил стопки, но Сашка отрицательно покачал головой и повернулся к сестре:

– Рассказывай... – негромко проговорил он и, положив подбородок на подставленные кулаки, уставился на Лену внимательным взглядом.

Я тоже отложил вилку и приготовился внимательно слушать.

Лена посмотрела на Сашку, потом перевела взгляд на меня, и в ее глазах появился испуг:

– А рассказывать-то особенно нечего...

– Что есть – то и рассказывай... – несколько мягче попросил Сашка.

Лена вздохнула и, как послушная школьница, начала:

– В прошлую субботу мы начали перекапывать огород. Апрель кончается, скоро уже посадки начнутся.

Резепов кивнул, словно приглашая свою сестру переходить к существу вопроса, и та заспешила:

– Ну, мы почти целый день на улице провозились. Устали, конечно, да и темновато становилось, так что, уже собирались заканчивать работу. А Толик и еще трое ребят на улице играли, мяч они гоняли, ну и кричали здорово. И вдруг, как оборвало, или вернее словно нас колпаком каким накрыло – тихо стало, я такой тишины и не слышала никогда. С минуту эта тишина стояла, а потом звонко так – бом-м-м, как будто лопнуло что-то. И сразу в воздухе вокруг нас замелькало, замелькало... Я даже сначала подумала, что у меня это просто в глазах от усталости зарябило, а потом рассмотрела. Знаешь, такое впечатление, словно серебристые снежинки величиной с пол ладони в воздухе кружатся, но на землю не падают, а прямо так в воздухе постепенно тают. Очень красиво. Но через минуту, может быть чуть больше, все это исчезло. Постепенно, так, растаяло.

Мы с соседями, они тоже в огородах копались, собрались на улице и рассказываем друг другу, кто что слышал и видел. Потом начали придумывать что бы это такое могло быть, в общем, целый диспут провели. Ты же знаешь, у нас здесь всяких умных контор много понапихано, да и Обнинск недалеко, так что сошлись на том, что опять какой-нибудь эксперимент из-под контроля вышел. Морозов Витка, сосед наш через два дома живет, даже счетчик притащил, радиацию мерить, только не было никакой радиации.

Долго мы так-то стояли, рассуждали да спорили – работать-то уже никто не хотел. И тут подбегает Димка Морозов, Витькин сын, и говорит мне: – Теть Лена, а ваш Толька в обморок упал.

Я подбежала к ним и, ты знаешь, страшно испугалась. Даже не того, что Толик лежал прямо на земле, странно так вытянувшись, а того, что Ленька, дружок его закадычный, «не разлей вода», стоял рядом с ним, поддавал ему ногой под ребра и приговаривал: – Ну что развалился, вставай, давай, козел ленивый!

Я набросилась на него, оттолкнула, Тольку на руки подхватила и кричу: – Ты что делаешь, поганец?! – а он ощерился страшно так и как зашипит на меня: – Я, – говорит, – Тебе, старая корова, рога пообломаю, будешь знать, как меня толкать!

Я от таких его слов чуть сына из рук не выронила, Ленька в жизни никогда таким... не был. Ну, в этот момент, как раз, Наталья подбежала, Ленькина мать. Схватила его за шиворот и ну трести: – Ты как, поганец, со старшими разговариваешь!.. – а тот извернулся, и я думала, что он сейчас мать свою ногой в живот ударит. Только в последний момент остановился он. Смотрю, Борис подходит, отец Ленькин. Тот ругаться не стал, взял его за руку и молча домой повел.

Ну, а мой-то сыночек лежит у меня на руках, голова запрокинулась, сам бледный, под глазами круги черные, и показалось мне, что не дышит он. Тут Игорь подошел, забрал у меня Толика и в дом отнес. Раздели мы его, в постель уложили, а он все без сознания. Видно, что дышит, а глаз не открывает и не говорит ничего. Вызвали мы «скорую». Приехали они часа через два. Пацан – фельдшер, наверное, и медсестра с ним. Послушали, постукали, помяли, давление померили. Потом пацан этот и говорит: – Ничего понять не могу – организм работает вроде бы нормально, сердце в порядке, живот в порядке, давление нормальное. Может он головой сильно стукнулся?

– Да, нет, – отвечаю, – Ребята говорят, что все нормально было, и вдруг он на землю повалился...

Фельдшер это что-то сестре сказал, смотрю, она шприц готовит. Я их спрашиваю: – Вы что хотите сыну вколоть? – А фельдшер мне отвечает: – Да ничего особенного. Сделаем инъекцию витаминов для поддержки организма. А так, у вашего сына я ничего не обнаруживаю.

– Но он же без сознания! – говорю.

А он мне: – Ну, хотите, мы его в больницу заберем?..

Игорь до этого стоял, молчал, а тут говорит: – В какую вы его больницу повезете, когда сами говорите, что у него ничего нет. Дома сын останется...

Фельдшер сразу согласился, и спорить не стал. Только сказал, чтобы мы ампулу его не выбрасывали и посоветовал, если за воскресенье ничего не произойдет, в понедельник врача участкового вызвать.

Ну, воскресенье, все день Толик лежал в постели и в себя не приходил. Я думала, что умру, на него глядя. Хорошо Игорь рядом был. А ближе к вечеру Толя говорить начал. Лежит, глаза закрыты, дышит так спокойно, и вдруг тихо-тихо: – Нет, мне домой надо...

Еще немного полежит, и опять: – Нет, я домой хочу, к маме...

Знаешь, словно кто-то его уговаривает уйти куда-то, а он не соглашается...

В понедельник я утром на работу позвонила, отпросилась на два дня. А буквально тут же, Толик в себя пришел. Глаза открыл и говорит: – Мама, я кушать хочу.

Врача я вызывать не стала, у него и не болело ничего. Полежал он два дня, а потом вставать начал. Правда в школу я его всю неделю не пускала, слабость у него сильная была.

Лена замолчала и посмотрела на Игоря, словно спрашивала у того, не упустила ли она чего.

Резепов кивнул и посмотрел на меня:

– Ну, и как тебе история?

Я потер подбородок:

– Очень интересно... Мне бы еще с мальчиком поговорить...

– Он сейчас спит!.. – тут же вскинулась Лена.

Я успокаивающе улыбнулся и ответил:

– Да я не тороплюсь. Вы же говорите, что он встает и чувствует себя достаточно хорошо, так что мы можем отложить разговор на завтра.

Лена сразу успокоилась, зато встревожился Игорь:

– А что вы хотите у него узнать?

Я перевел глаза на отца мальчика. Он действительно был не на шутку встревожен.

– Вы с ним не разговаривали о том, что произошло?... – осторожно поинтересовался я.

Игорь встревожился еще больше. Он даже встал из-за стола и, достав дрожащими пальцами сигарету, сунул ее в рот, но затем снова присел к столу и выдернул сигарету из губ.

– Я вас очень прошу не говорить с Толькой об этом случае!..

– Почему?... – еще осторожнее спросил я.

– Мне не хочется, чтобы он об этом вспоминал... – Игорь чуть помолчал и добавил, – Понимаете, у меня такое впечатление, что Тольку что-то очень сильно испугало, и он об этом постоянно думает. Если его начать расспрашивать, он может снова впасть в забытие – защитная реакция организма. Пусть он об этом забудет.

– Как себя чувствует Ленька, о котором вы говорили? – перевел я разговор на другое.

Лена посмотрела на Игоря, потом перевела взгляд на меня и недоуменно пожала плечами. А Игорь скорчил гримасу и ответил:

– Этому маленькому негодяю тоже врача вызывали. У него оказалось сильное нервное расстройство... Хотя, какое там расстройство? Просто распоясался мальчишка совершенно! Один отец и может с ним справиться. В школе за неделю дважды подрался, оба раза до большой крови. Причем дерется так иступленно, что его даже старшеклассники начали побаиваться. Дома хулиганит. Если так дальше пойдет, он через полгода в колонии окажутся...

– А вы говорили, что с Толиком еще два мальчика играли... Ну, кроме Леньки. С ними ничего не произошло? – не унимался я.

Теперь уже Игорь недоуменно пожал плечами:

– Да, вроде, все в порядке. Димку Морозова я вчера видел. Поздоровался, как обычно, мальчишка. Нет, все в порядке! – уверенно закончил Игорь.

– А почему ты нас так расспрашиваешь? – снова вступила в разговор Лена, не замечая, что перешла на «ты».

Я оглядел лица ребят и уловил в глазах Сашки знакомый блеск. Он, без сомнения, что-то знал. Однако, я, не обращая внимания на своего всезнающего друга, коротко, но достаточно подробно рассказал, все что узнал о том необычном феномене, который они наблюдали и о том эффекте, который этот феномен производит на мальчишек от восьми да четырнадцати лет. Закончил я свой рассказ так:

– Теперь вы понимаете, что случай с вашим сыном абсолютно нетипичен. И мне крайне необходимо разобраться в чем здесь дело. Может быть ваш Толька подскажет, как бороться с этой напастью. Ну и сами понимаете, распространяться о том, что я вам рассказал никому не стоит. Не надо людей понапрасну нервировать.

– Как же не надо? – неуверенно переспросила Лена, – Я считаю, родители должны знать, что угрожает их детям... Если... если твой рассказ – правда, и если все так и есть, как ты сам считаешь.

– А что мы можем людям сказать, если сами пока практически ничего не знаем... Ничего не можем сделать. Ну, крикнем мы – «Берегитесь...»! А чего беречься!

Мы замолчали. Игорь наконец-то закурил. Резепов хмыкнул и шлепнул ладонью по столу:

– Ладно. Утро вечера мудренее. Уже поздно, так что пора, пожалуй, ложиться.

И он встал из-за стола.

Я поднялся следом и улыбнулся Лене и Игорю:

– Не волнуйтесь, теперь все будет нормально. Эти серебристые блески еще ни разу не замечали дважды в одном месте.

Когда мы поднялись в свою спальню и улеглись, я как бы ненароком, спросил у Сашки:

– А ты-то, друг конопатый, откуда узнал об этой мальчишечий напасти?

– А я, мой бледнолицый брат, придерживаюсь принципа, друг моего друга – мой друг. Так что я достаточно часто общаюсь и с Машеусом и с Эликом Абасовым. Именно я, что б ты знал, помогал Элику собирать тот самый материал, с которым он тебя впоследствии познакомил.

Все это было сказано достаточно резко, даже, я бы сказал, обиженно, и после этой тирады Сашка повернулся на бок, ко мне спиной, и демонстративно засопел.

Утром мы по субботней привычке встали достаточно поздно и после плотного завтрака направились в огород наших хозяев проводить подготовку к весенним посевным работам. Три лопаты в крепких мужских руках были настолько мощным сельскохозяйственным инструментом, что уже до обеда нами был закончен подъем зяби на отведенном участке. Женщин, в лице Ленки, мы изгнали с места нашего трудового подвига, а вот Толька практически все время крутился возле нас. А где еще крутиться десятилетнему мальчишке если не возле отца и его друзей.

Я во время этой огородной копки все время поглядывал на мальчика и пришел к выводу, что тот вполне здоров и достаточно весел. Никаких последствий странного происшествия, произошедшего с ним, заметно не было. Только однажды он поднял лицо к небу и застыл на несколько минут, закрыв глаза, причем у меня создалось впечатление, что он к чему-то прислушивается.

Обедали мы поздно, около шести вечера, долго и весело. После обеда Толька потащил Резепова в свою комнату показывать какие-то новые игрушки, и я увязался с ними. Мы втроем погоняли Толькины новые машинки, смастерили некую странную конструкцию из его набора «Лего», посмотрели, что читает молодое поколение. Потом к нам присоединились Толькины родители и в комнате стало довольно тесно.

Я вопросительно взглянул на Лену, и она ответила мне коротким согласным кивком, после чего я положил ладонь Тольке на затылок и спросил:

– Слушай, Толь, мне с тобой надо бы поговорить...

– Давай, – сразу согласился он.

– Только, знаешь, дело такое... щепетильное, если тебе не захочется или станет нехорошо, ты сразу скажешь, и мы не будем возвращаться к этому вопросу.

– Ладно, – кивнул он.

Сашка и Игорь тихонько вышли из комнаты. Толька сидел на своей постели и переводил глаза с меня на свою мать и обратно. Я присел напротив мальчика на большой мягкий пуф, Лена села рядом с сыном на постели, и мы немного помолчали, словно сосредотачиваясь для серьезного разговора. Затем я негромко и спокойно попросил:

– Ты не можешь нам рассказать, что с тобой произошло после того, как вы увидели те серебристые блески?..

Мальчишка испуганно вскинул голову и посмотрел на мать широко открытыми глазами. Лена тут же обняла его одной рукой за плечи, словно защищая от неведомой опасности и быстро проговорила:

– Дядя Сережа сказал, если не хочешь – не говори...

Толик посмотрел на меня, и я согласно кивнул:

– Но понимаешь в чем дело, – продолжил я фразу Лены, – Ты не первый, кто пострадал от этих блесток, но кроме тебя никто не сможет рассказать, что с ним происходило...

Мальчик снова вскинул глаза на мать, но на этот раз она промолчала и только покрепче прижала его к себе.

Толик опустил голову и еле слышно произнес:

– Мне сказали, чтобы я никому ничего не рассказывал...

– Кто сказал?! – Воскликнула Лена.

Видимо, это восклицание еще больше напугало мальчика. Он дернулся в руках матери, вскинул голову и нервным, срывающимся голосом зачастил:

– Правда! Мне сказали, чтобы я ничего не рассказывал, а то за мной снова придут, и тогда уже обязательно заберут! А я не хочу туда уходить, не хочу!..

Его крик начал переходить в самую настоящую истерику, и тут видимо сказала моя недельная практика в магии. Я совершенно произвольно, не задумываясь о последствиях, провел перед лицом мальчугана левой ладонью с растопыренными пальцами, одновременно проговаривая замысловатую фразу заклинания «Спокойствия духа».

Боковым зрением я поймал изумленно распахнутые глаза Лены, наблюдавшей за моей необычной манипуляцией, и спохватился было, но дело уже было сделано. Сердце у меня бешено заколотилось и ухнула вниз, а в голове вспыхнула мысль – «Что ж это я делаю!». Но было поздно!

Моя ладонь устало опустилась на колено, а язык, едва не заплетшись о последние звуки, договорил все-таки нужную фразу...

Лицо мальчишки мгновенно стало совершенно спокойным, и он, моргнув пару раз, словно от сильного света, начал говорить легко и непринужденно:

– Знаете, это было так странно... Мы с мальчишками играли и вдруг оказалось, что мы стоим на какой-то... площадке... прямо над самими собой.

Он посмотрел по очереди на мать и на меня и попытался объяснить:

– Ну, понимаете, мы все вчетвером стояли в ряд на какой-то площадке, которая висела над землей. А мы,.. ну,.. мы сами были на земле... играли... только замерли... ну, не шевелились...

– Я понял, продолжай, – кивнул я мальчику. Тот довольно улыбнулся и продолжил свой рассказ:

– Как только мы оказались на этой площадке мы сразу услышали голос. Приятный такой, ласковый. Он нам сказал, что мы сейчас пойдем к нему в его прекрасный, замечательный мир, в котором станем знаменитыми, непобедимыми воинами. Там нас все будут бояться, а мы будем сильнее всех, но только если всегда будем его слушаться. А он нас научит быть самыми сильными... И еще он сказал, что учиться быть сильными очень просто и очень быстро. Потом появилась высокая темная фигура без лица и вроде бы как-то... без головы и протянула нам руки...

Толик снова посмотрел на меня, проверяя, как я воспринимаю его довольно несвязный рассказ и, увидев, что я само внимание, продолжил:

– И знаешь, рука протянулась к каждому из нас...

– Что же, у этой фигуры было четыре руки? – невольно поинтересовался я.

– Тогда я на это не обратил внимания, – задумчиво протянул Толик, – Это сейчас я вспомнил, что у нее действительно было четыре руки... А тогда я как будто остался один... Ну, ребята стояли рядом, а я как будто один... и эта рука одна...

Он недовольно поморщился, чувствуя, что не может связно передать свои ощущения. Я улыбнулся и постарался его успокоить:

– Ничего, ты рассказывай, я все пойму...

– Ленка первый ухватился за ту руку, которая тянулась к нему. Ребята тоже потянулись к этой фигуре, а я... – он глубоко вздохнул, – А я испугался... Спрятал свою руку за спину и спрашиваю: – А как же моя мама? – А эта фигура говорит: – А зачем тебе мама? Разве тебе не надоело, что тебя твоя мама все время наказывает? – Я тогда ей и говорю: – Никто меня не наказывает и я от своей мамы никуда не пойду!

Толик снова вздохнул и, посмотрев на свою мать, продолжил:

– Смотрю, Димка с Мишкой тоже свои руки за спину попрятали. А эта фигура вдруг так страшно заколыхалась и стала меня пугать... Ну, что если я с ней не пойду, то она сделает так, что меня вообще никто любить и уважать не будет, и никто из мальчишек играть со мной не станет... Только я уже знал, что никуда с ней не пойду. Вот тогда она и сказала, чтобы я никому о том, что сейчас вижу не рассказывал, а иначе она вернется и тогда уже точно меня от мамы заберет...

Только замолчал, но когда я уже решил, что его рассказ закончен, совсем тихо добавил: – А Ленка с ней ушел... Он думал, что я не видел, а я видел, как он уходил... Ребята со мной остались, а он ушел... Его больше нет.

– Спасибо тебе огромное, – бодро проговорил я, вставая со своего пуфа, – Ты себе представить не можешь, как ты мне помог. А теперь спать!

Мальчишка кивнул и устало закрыл глаза. Видимо, преодоление наложенного на его сознание запрета, даже с помощью моего заклинания, отняло у него слишком много сил.

Мы с Леной вдвоем раздели мальчугана, уложили в постель, и он тут же заснул.

Как только мы вышли за дверь, Ленка схватила меня за рукав и, здорово дернув, зашипела:

– Как ты это сделал?!

– Что сделал, – оторопел я от неожиданной атаки.

– Как ты Только успокоил? Я видела, как ты провел перед его лицом рукой, но что за тарабарщину ты бормотал?!

Только тут до меня наконец дошло, что мое заклинание сработало абсолютно точно и с достаточно большой скоростью! Мне бы, конечно, надо было бы обдумать это обстоятельство, но передо мной стояла весьма рассерженная мамаша, подозревавшая меня в нанесении вреда ее ребенку. Потому я как только мог спокойнее улыбнулся и, несколько рисуясь, ответил:

– Ничего особенного. Просто у меня имеются некоторые способности к гипнозу. Я просто внушил мальчику, чтобы он успокоился и хорошенько вспомнил, что с ним произошло.

И вы знаете, Лена мне как-то сразу поверила. Она отпустила мой рукав и странно одобренным голосом переспросила: – Правда?..

– Ну зачем мне врать?.. – пожал я плечами.

– Но теперь, наверное, надо снять это... внушение? – особой тревоги в ее голосе не было, но мне понравилась ее предусмотрительность.

– Утром от него никакого следа не останется. – Заверил я ее.

Она пристально на меня взглянула и, чуть подумав, спросила:

– А может ты... это... ну... поработаешь с Игорем?

– А что я должен с ним сделать? – удивился я.

– Понимаешь, мне так не нравится, что он курит, а бросить сам он не может...

– Вообще-то, это не мой профиль, – неуверенно пробормотал я, лихорадочно припоминая, нет ли среди моих обрывочных знаний какого-нибудь наговора против курения.

– Ну попробуй, – в голосе Лены появились умоляющие нотки, – Если не получится, и не надо, а вдруг!

– Хорошо, – сдался я, – Только отдохну немного, а то сеанс гипноза отнимает много сил.

Я понимаю, что нехорошо дурить голову чужим женам, а что мне оставалось делать?

Мы спустились на кухню и застали там Сашку с Игорем за пивом и креветками. Игорь курил, и я заметил, что Лена сморщила свой веснушчатый носик, увидев сигарету в его пальцах.

– Ну, что?.. – увидев нас, спросил Резепов. Его тон требовал немедленного и подробного отчета. Мы с Леной переглянулись, и она поняла, что отчет придется делать ей – такой утомленный вид я на себя напустил. Она принялась рассказывать, что мы слышали от Толика, одновременно возясь у плиты. Я присел к столу и наблюдал за тем, как мужики поглощают пиво и лузгают креветок, внимательно слушая Ленкин рассказ. Честно говоря, я действительно устал. Конечно, не настолько, как хотел показать Леночке, но работа лопатой была для меня тяжелой экзотикой, и нетренированное тело ломило от непривычных усилий. Кроме того, на меня сильное впечатление произвело и то, что рассказал Толька. Получалось, что у нашего далекого недруга не всегда все получалось! Мальчишки могли противостоять его поползновениям, но для этого надо было, чтобы у них в этом Море была какая-то сильная привязанность. Ну а какая привязанность может быть у десятилетнего мальчика на свете, кроме его матери или отца. Или матери и отца. А вот если матери и отцы не смогли создать такой привязанности... Снова и как всегда выходило, что беды детей произрастали из пороков взрослых.

Лена закончила свой рассказ, и прямолинейный Резепов тут же задал вопрос:

– Ну и что мы из этой информации имеем?

Я поднял голову:

– Во-первых мы имеем подтверждение, что у твоей сестренки замечательная семья! Я им от всей души желаю сохранить ее.

– Ну, ты скажешь, замечательная... – смущенно пробормотал Игорь и сразу задавил дымящийся в пальцах бычок.

– Во вторых, мы имеем, – продолжил я, игнорируя его бормотание, – очень простое и очень эффективное средство борьбы с обнаруженным нами явлением.

Ребята поставили стаканы на стол, Лена уронила вилку, и все повернулись в мою сторону с надеждой и ожиданием в глазах. Я усмехнулся и продолжил:

– А вы что, не поняли? Чтобы мальчишка справился с этой непонятной и неожиданной атакой, достаточно чтобы он очень любил своих родителей! Но для этого необходимо, чтобы родители очень любили своего сына. К сожалению, далеко не все родители умеют любить своих детей – это большое искусство и рождается оно исключительно в замечательных семьях.

Я повернулся к Лене:

– Теперь мы можем сказать взрослым: – Любите своих детей, и все будет в порядке. – Вот только многим ли поможет наш совет?

– Слушай, – снова вступил в разговор Сашка, собиравшийся, судя по его исхитрившимся глазкам, сменить тему, – Если ты такой умный, такой семейственный, такой «пада-гог», почему сам до сих пор не женат? Женился бы, показал бы миру пример строительства замечательной семьи! А то самому уже скоро «тридцатник», и все в теоретиках ходишь.

– Вот потому и хожу в теоретиках, что практику надо осваивать вдвоем, а у меня все как-то с парой не получается... – довольно резко возразил я.

На кухне тут же завязался разговор о сложностях и радостях семейной жизни, о нахождении взаимопонимания, о воспитании детей. Все это словоблудие сдабривалось примерами из жизни знакомых и цитатами из педагогических авторитетов. В общем, начался самый обычный треп. Пивохлебы, занятые пивом, креветками и спором, от ужина отказались, а мне хозяйка предложила шикарную жареную на сале картошки с квашеной капусткой и солеными

огурчиками. Налили мне, как самому усталому, и сто грамм, так что к концу вечера я был, как говорится, сыт, пьян и нос в табаке.

Впрочем, вспомнив о табаке, я обратил внимание на тот факт, что Игорь за весь вечер не выкурил больше ни одной сигареты. Но вернуться к этой, поставленной Леной, задаче я решил завтра.

Заявив спорщикам, что я устал и, попросив у них извинения за отсутствие необходимого азарта, я покинул кампанию и отправился в нашу спальню, где с чувством выполненного долга и хорошо сделанной работы завалился в постель. Как и когда пришел Сашка, я уже не слышал.

Утром, после завтрака, я один отправился к реке. По узкой, уже подсохшей тропинке, я спустился к берегу и уселся на старой перевернутой лодке. Речка была неширокой по-весеннему свинцово-серой, с нее задувал пронизывающий порывистый ветер, но думалось мне на этом берегу хорошо. Главное, о чем я хотел поразмышлять в одиночестве, был тот факт, что заклинание, которое я вчера не раздумывая, впопыхах наложил на Толика, сработало великолепно. Оно не только сняло с мальчика излишнее напряжение, позволило ему успокоиться и сосредоточиться на рассказе, оно к утру исчезло. За завтраком сидел довольный жизнью бойкий мальчишка из хорошей семьи.

Получалось, что волшебство действительно действовало на Земле, но только не в городе... Может быть там, в городах, все эти, созданные человеком ненормальные поля – электромагнитные, гравитационные, лучевые, черт знает какие, настолько искажали нормальное состояние планеты, что тонкая энергетика заклинаний, волшебства, магии не выдерживала такого давления и ломалась, выбрасывая на выходе самые невероятные результаты?! Может быть именно поэтому мой знакомец, Епископ, он же Седой Варвар из Брошенной Башни мог уворовывать мальчишечьи души только далеко от городов? Может быть в лесу, в поле, в какой-нибудь глухой тайге волшебство все еще действенно и могуче? Во всяком случае, для меня стало ясно, что если я задумаю в самом деле попробовать устроить переход в Мир королевы Кины, делать это я буду подальше от городов.

Я, наверное, очень долго сидел на берегу. Из задумчивости меня вывел легкий шорох шагов по дорожке. Я оглянулся и увидел, что к моему насесту спускается Лена, а впереди нее торопится Толька. Он первым подбежал к лодке и, грохнув в ее бок ботинком, заявил:

– Отплавалась! Вот у Димкиного отца есть лодка, новая! Приезжай к нам летом, поедем рыбу ловить.

В этот момент к нам подошла Лена. Присев рядом с сыном на корточки, она чмокнула его в щеку, а затем попросила:

– Иди, Толик, поиграй на берегу, мне с дядей Сережей поговорить надо, – и уже вдогонку мальчишке крикнула, – Только в воду не лезь, а то ноги замочишь!

Затем она присела рядом со мной и спросила:

– Когда же это ты успел с Игорем-то...

– Что с Игорем? – переспросил я.

Лена слегка удивленно посмотрела на меня:

– А ты что, не проводил с ним свой гипноз?

– Нет, – удивился я в свою очередь.

– Хм, – она посмотрела на рябую от ветра воду, – Он после завтрака подошел ко мне и сказал, что бросил курить... Окончательно и бесповоротно...

Я улыбнулся:

– Вот и доказательство моих вчерашних слов...

– Каких слов, – Встрепенулась Лена.

– О том, что у вас замечательная семья. Что вы без всякого гипноза можете решить все свои проблемы.

После обеда мы с Сашкой отправились назад в Москву. По дороге я рассказал ему и про мое удавшееся в доме его сестры волшебство, и про свои рассуждения о местах возможного применения своих магических возможностей. Рассказал и о том, что собираюсь попробовать пробиться в тот Мир, к своей королеве, а потом посмотрел на него в упор и спросил:

– А ты не хочешь с нами попробовать прыгнуть туда...

– Не знаю куда, – насмешливо продолжил он начатую мной фразу, – И вытащить то – не знаю что... Нет! Я слишком скептичен и могу навести на твое волшебство какой-нибудь возмущающий фактор. И забросишь ты нас всех неизвестно куда...

– Ну, почему неизвестно куда?.. – попробовал я поспорить.

Но Сашка бросил на меня быстрый взгляд и перебил:

– У меня, видишь ли, по поводу твоих магических возможностей есть своя теория. И заключается она в том, что тот, кто общается с магией должен в нее верить, а тот, кто в нее не верит, тот с ней и не встречается. Вот вы, – он странно усмехнулся, – Братство Конца, вы ведь сами верили в то, что вы чародей, эльф, хоббит и тролль, потому и попали в этот странный Мир. И там вам поверили, только потому, что вы сами считали себя этими... существами...

– Да нас туда перенес Епископ своим заклинанием... – попытался поспорить я.

– Никто вас не переносил! – отрезал Резепов, – Сами вы туда сунулись. И сейчас опять собираетесь сами сунуться... – он опять быстро посмотрел на меня, – А я, сам знаешь, в магию не слишком верю. Да, к тому же, в мае я улетаю в Томск, к геологам. Уже договор подписал.

На этом наш разговор и закончился.

В понедельник я рассказал Элику и Машеусу о своей поездке, но долго мы эту тему не обсуждали. Они, да и я сам, считали попытку повторного переноса в Кинию делом решенным и с надеждой смотрели на меня.

Передо мной встали две задачи. Во-первых, хоть как-то продвинуться вперед со своей диссертацией, которую я и впрямь здорово забросил, и во-вторых, попробовать составить заклинание переноса.

Первую задачу я решал настолько эффективно, что Илья Владимирович снова заговорил обо мне, как о молодом, но подающем серьезные надежды ученом. А вот вторая...

В теории я понимал, что необходимо из нескольких простых заклинаний сплести достаточно сложное и могучее, чтобы оно могло оторвать нас от нашего родного Мира и перебросить туда, куда мы стремились, а вот на практике у меня очень долго ничего не получалось. Только к концу июня в моей голове забрезжила некая идея. К тому времени Элик успел защитить диплом, Машеус сдать очередную сессию, а Паша уволиться из очередного театра.

Мои друзья с нетерпением ждали, когда я скомандую поход.

Третьего июля я скомандовал.

Почти год назад я также бродил по этому подмосковному лесу между платформой «Столбовая» Курской железной дороги и населенным пунктом Кресты, оседлавшим сорок седьмой километр федеральной трассы номер три. Только тогда я был одет несколько по другому и почти целый день проходил в одиночестве.

Сегодняшний поход был обставлен несколько по-другому. Наша четверка, ядро, так сказать, Братства Конца, встретила на платформе Столбовая с Игорем и Леной, взявшимися нам помогать. Вшестером мы добрались до давно знакомой нам поляны и разбили маленький лагерь. Поставив две палатки – для мальчиков и для девочек, десантируемая часть нашей команды отправилась переодеваться, а Лена с Игорем принялись разжигать костер и вообще обустривать лагерь. Когда мы выбрались из палаток полностью готовые к выходу, Игорь уронил топорик, которым до того орудовал, а Лена, разинув рот, смотрела на нас и при этом продолжала заправлять вычищенный чайник водой, пока та не кончилась в ведре.

Нет, я-то, как раз, был одет очень практично и в меру элегантно. На мне были нестандартные джинсы специального пошива со множеством разнокалиберных карманов, наполненных множеством самых необходимых вещей, плотная байковая рубашка, одетая поверх моей самой любимой белой футболки, привезенной мне из Турции, сверх чего я натянул элегантную джинсовую куртку. На ногах у меня были надеты отличные, хорошо разношенные, но все еще очень крепкие кроссовки, а на голове отличная джинсовая панама.

А вот мои друзья!!

Достаточно сказать, что они были разодеты в те же самые сказочные тряпки, в которых они осуществляли наш первый поход. Конечно, они их почистили, отстирали, заменили некоторые наиболее изношенные элементы, но в целом это были все те же три чучела зеленого, буровато-коричневого и мохнато-желто-зеленого колеров. При этом, на поясе Машеуса красовалась ее уникальная шпага и незаменимый Рокамор, из-за плеча знакомо торчал оснащенный колчан, Элик держал в своих немаленьких ладошках свою родную дубину, поименованную им герданом, а Паша, почему-то значительно уменьшившийся в росте и покрулевший в талии, носил на пупке широкий и длинный кинжал самого устрашающего вида. Кроме того у всех троих имелись маленькие заплечные мешки.

Видимо ребята сами здорово удивились, увидев себя в таких нарядах, поскольку непосредственно после их появления последовала довольно длительная немая сцена. Нарушил молчание впечатлительный Игорь, громко прошептавший на выдохе: – Куда уехал цирк?..

Реагируя на это очень точное замечание, трое моих соратников повернулись в мою сторону и изобразили на своих личиках недоумение, обиду и возмущение, причем не по очереди, а все три чувства сразу. После этого гримасничанья Машеус взяла слово и обратилась ко мне достаточно нервно:

– Ты что, собираешься переходить в Кинию в этом цирковом костюме?!

Видимо, вышеприведенную фразу Игоря они отнесли целиком на мой счет.

– Кто бы говорил?! – чуть не сорвалось с моего языка, но вместо завязывания никому не нужной пикировки я полным достоинства и не допускающим возражений тоном ответил:

– А вы думали, я снова приклею бороду, нацеплю идиотскую шляпу, серый балахончик и сапожищи?! Чтобы вы снова могли хихикать у меня за спиной?!

Наш практически заслуженный, но пока еще безработный актер сделал шаг вперед, встал в третью позицию и поставленным, пропито-прокуреным голосом, оснащенным хрипотцой и попискиванием, заявил:

– Ты что, не видишь, что нарушаешь наш ансамбль и выпадаешь из образа? Где ты видел Гэндалфа Серого Конца без бороды, плаща и... шляпы?

– Нет, ребятки, никаких плащей, бород и шляп не будет! – отрезал я, – Либо я иду так, либо мы вообще никуда не идем! Мне надоело, что меня называют милым стариканом! А если вы будете на меня давить, я потребую инвентаризации ваших мешков на предмет протаскивания в средневековый мир запрещенных технологий!

– Каких технологий?! Каких технологий?! – начал заводиться Паша, но его перебили.

– Пусть идет как хочет, – раздалось неожиданно знакомое малоразборчивое ворчание. Мы вздрогнули и воззрились на Элика, но тот уже полностью был в образе, а потому, вместо Элика мы увидели столь дорогого нашим сердцам Душегуба. Правой рукой он поигрывал своей дубиной, одновременно обводя нас налитыми кровью, крошечными глазками. Увидев, что мы обратили на него внимание, он коротко добавил:

– Не в бороде счастье...

Это веское мнение разом прекратило наше препирательство. Мы двинулись прочь с поляны, провожаемые изумленными взглядами остающейся пары, под своды замечательного лиственного леса.

Из лагеря мы вышли часа в четыре вечера, и я назвал этот выход пробным, прикидочным. Главную попытку я планировал на завтра – на воскресенье. Ребята молча шагали за мной. Молча, потому что я их заранее предупредил, что мне нужна полная сосредоточенность. А вот я шел не просто так, я искал место годное для перехода, если конечно считать, что я знал, каким это место должно было быть!

Этот год выдался засушливым, так что прошлогодние болтца пересохла и Пашкины унты вполне годились для нашей прогулки. Видимо, поэтому наш неутомимый хоббит шустро перебегал от одних зарослей кустарника к другим, постоянно теряя нас из виду и оглашая окрестности громкими воплями «ау». Машеус в своем зеленом наряде тоже постоянно пропадала из поля моего зрения, нервирова и выводя меня из себя. Только тролль неутомимо шагала справа и чуть сзади от меня, слегка посапывая и поколачивая своим герданом по встречавшимся пенькам. Фродо не замедлил обратить на эту стукотню тролля наше внимание:

– Гляньте, чего тролль делает... Ишь, постукивает... Готовится, руку набивает...

Мы пересекли полузаросшую дорожную колею, и я подумал, что в прошлом году эту дорогу не видел. Решив, что мы забрались слишком далеко к северу, в сторону Москвы, я бросил взгляд на солнце, затем на часы и повернул к югу.

А на часах, между тем было уже половина седьмого вечера.

Ребята к тому времени уже подустали и топали следом за мной, в полголоса о чем-то переговариваясь. Я сам уже решил держать путь в сторону лагеря. Но самое главное, за весь день ходьбы ничто не шевельнулось у меня в груди, ни намек на возможность применить сплетенное мной заклинание. Ну не пробовать же его в самом деле где попало!

Так что мы возвращались после шести часов блужданий несолоно хлебавши. Я понимал, что мои друзья вполне подготовлены к длительным блужданиям и многочисленным попыткам, что они спокойно перенесут сегодняшнюю относительную неудачу, но у самого меня настроение было мерзопакостное. Такого глухого молчания я все-таки не ожидал. Я все-таки надеялся, что в одном, двух, трех местах почувствую хотя бы маленькую тягу того Мира. Но...

Лес еще проглядывался, но уже ощутимо стемнело. Кусты и высокая трава постепенно чернели, превращаясь в ночные тени, и только верхушки высоких берез и осин сохраняли еще свой зеленый цвет. Трава под ногами намочила от вечерней росы, и, наверное, поэтому Паша, шагавший слева заворчал:

– Слушай, Сусанин, ты точно дорогу к лагерю помнишь? А то скоро совсем стемнеет, и будем мы всю ночь блукать...

– Может на дерево забраться? – тут же предложила романтическая Машеус, – Ребята, наверное, костер разожгли... Костер далеко видно...

– Кто полезет? – мгновенно поинтересовался Пашенька.

– Ты! – коротко отрубил Душегуб.

– Это почему это я? – Паша даже остановился, – Машеус предложила, пусть она и лезет! Стану я впотьмах по деревьям порхать?

– Почему – порхать? – переспросил я.

– Так не видно же ничего, – сразу пояснил Паша, – Наступишь не туда и запорхаешь до самой земли!

– А ты хочешь, чтобы девушка порхала? – угрожающе поинтересовался тролль.

– Ну, лезь ты! – немедленно согласился Паша.

– А если я на твою башку спорхну? – хмыкнул находчивый тролль.

– Это почему сразу на мою? – обиделся Паша.

– А я прицелюсь, – пообещал тролль.

– А я в сторонку отойду, – нашелся Паша.

– А заблудиться в темноте не побоишься, – привел тролль контраргумент.

– А я... – но больше Паше в свое оправдание ничего придумать не смог и только горько вздохнул.

– Вот! – констатировал тролль, – Я всегда говорил, что убеждать – мой талант.

Мы остановились под здоровенной осиной. Когда Душегуб, крепко ухватив Пашу за воротник и пояс, поднял его к первой, достаточно толстой ветви, Паша снова вздохнул, ухватился за нее и попросил:

– Душегубушка, ты постой под деревом, вдруг поймать успеешь?

– Что поймать? – не понял тролль.

– Порхающего хоббита... – горестно простонал Паша и, пыхтя и побрякивая, потянулся к вершине.

Долез он приблизительно до половины, а потом остановился и заорал:

– Вон костер!.. Вон!..

– Не «вон», – заревел в ответ тролль, – А заметь направление!..

– Как же я замечу, если мне слезать надо, а значит под ноги глядеть? – резонно возразил Паша.

– Ну брось что-нибудь в направлении костра! – внесла свою лепту в разговор Машеус.

– А что я могу бросить? – снова заверещал с дерева хоббит, – У меня же ничего нет.

– Брось свой ножичек, – предложил сообразительный тролль, – Он тебе все равно ни к чему.

– Как это – ни к чему, – возмутился наш доморощенный древолаз, – Очень даже к чему. И, кроме того, если я свой кинжал брошу, вы его в темноте не найдете. Как я буду без кинжала?

– А нас ты видишь? – поинтересовалась любопытная Машеус.

– Практически нет, – немного помолчав, сообщил Паша, – Разве что Гэндальфа – У него макушка светлая.

– А если он будет двигаться, ты увидишь в какую сторону он пошел? – заторопилась Машеус, и тут же повернувшись ко мне попросила, – Пройди куда-нибудь...

Я понял ее мысль и, не торопясь, направился в сторону от дерева. Сверху сразу же заорали:

– Нет, в другую сторону!

Я развернулся и затопал в другую сторону.

– Чуть правее!.. – раздалась визгливая команда с неба.

Я взял чуть правее.

– Так держать! – утвердили мой курс. Я повернулся в сторону ребят и предложил:

– Я пройду чуть дальше, чтобы вернее направление наметить, а вы командуйте этому Винни-Пуху недоделанному, чтобы он с дерева слезал.

Тролль махнул своей лапищей, и я двинулся в намеченном направлении.

Сделать мне удалось всего шагов пять-шесть. Внезапно сердце мне сдавила знакомая глухая тоска, а потом всего меня накрыла отчаянная радость. Я остановился, пытаюсь разобраться в собственном самочувствии, но тут же ощутил, как мою гортань перехватило, во рту стало сухо, и в ставшей пустой и гулкой голове мерно забилося сплетенное мной заклинание. Уже не соображая, что делаю, я развел руки в стороны, набрал полную грудь воздуха и... запел, мерно разгоняя ладонями окружающий воздух.

Я, конечно, в общих чертах представлял, что должно прозвучать в составленном мной заклинании перехода, но только в этот момент я в полной мере ощутил, как надо его произносить, какие жесты и распальцовки должны его сопровождать и, главное, на какой музыкальный мотив оно должно лечь.

Я слышал краем уха, как зашумели ребята, услышав мои вокализы, как высоко вверх заверещал Паша, но мое сознание никак не отреагировало на эти посторонние звуки. Оно было целиком поглощено совершаемым волшебным действием, оно растворилось в нем, оно неотрывно следовало за его мелодией и чудными, непонятными, но такими изысканными звуками.

Заклинание оказалось неожиданно длинным, но все на свете кончается. Смолк последний его звук, застыли сведенные судорогой пальцы, остановились на полпути и упали вдоль тела руки, я опустился без сил прямо в мокрую траву. Рядом со мной стояла Машеус. Стояла и молчала. И долго-долго длилась эта волшебная ночная тишина, а потом раздался едва слышный девичий шепот:

– Как прекрасно!..

Следом за этими тихими словами раздался нарастающий шорох, потом треск, а затем визгливый вопль, завершившийся громким криком. И снова все стихло.

Только через несколько секунд Машеус спросила испуганно, но довольно громко:

– Все?..

– Все, – ответил ей ворчливо-неразборчивый бас тролля, – Поймал...

– Действительно, поймал, – подтвердил его слова визгливый фальцет хоббита, и тут же заинтересованно добавил, – А чегой-то ты на ночь глядя распелся? И здорово у тебя получается, вот не думал, что у нашего Гэндальфа такие вокальные данные. Слушай, а может ты неправильно выбрал профессию, может тебе в Гнесенку поступить, у меня там знакомый есть, тоже коньяк любит...

– Слезай, давай, – перебил его грубый тролль, – Я что, всю ночь тебя нанялся на руках держать?!

– А разве тебе тяжело?! – удивился хоббит.

– Слезай, давай, – повторил тролль, – А то, сейчас, как в стишке.

Паша быстро соскочил с рук подошедшего к нам тролля, но тут же снова повернулся к нему:

– А ты стихи читаешь? Любопытно послушать!..

– Да? – явственно ухмыльнулся Душегуб, – Слушай. Уронили Пашку на пол, оторвали Пашке лапу...

– Все равно его не брошу, потому что он хороший, – погладила мгновенно рассвирепевшего хоббита по шерстяной голове Машеус.

– Понял?! – зло сверкнул тот глазом в сторону ухмыляющегося тролля.

– Понял, пошли... – опять ухмыльнулся тролль и шагнул мимо сидящего меня в сторону невидимого с земли костра.

Паша спорить не стал, только громко вздохнул. Я с трудом поднялся на ноги, которые явственно подрагивали, и направился следом. Машеус тут же пристроилась рядом и негромко зашептала:

– Слушай, а что это за песня была? Я не разобрала, на каком она языке, но мелодия совершенно обалденная...

– Так это не песня была, – чуть улыбнувшись, негромко ответил я, – Это я так заклинание исполнял...

– Заклинание?! – шепотом изумилась Машеус, – То самое заклинание перехода?!

– Ну, да...

Машеус немного помолчала, а потом огорченно прошептала:

– Значит у нас ничего не получилось, – и тут же задала новый вопрос, – А с чего это ты решил свое заклинание попробовать именно здесь и именно сейчас?

– Хм, я, знаешь, и не думал его пробовать, а тем более совсем не собирался его... петь. Оно как-то само по себе вырвалось... И само приняло форму песни...

– А как ты руками размахивал!.. – добавила Машеус, – Пряма, балерон из Большого... Жалко, что оно не сработало!..

Именно в этот момент позади нас вспыхнуло ярчайшее, слепяще-белое, обжигающее сияние!

Лес мгновенно вынырнул из темноты каждым своим стволом, каждой веткой, каждой травинкой, оставаясь при этом угольно черным. И небо было темно-темно синим с игольчато-серебристыми шляпками звезд. А пространство между этими двумя чернотами заполнял белый, нестерпимо яркий свет.

Мы мгновенно обернулись и тут же зажмурились. Над деревом, по которому совсем недавно карабкался наш Паша, на высоте пары десятков метров, плавно вращаясь, висел большой сияющий бочонок. Именно он испускал этот нестерпимый свет. А в следующее мгновение, он резко пошел вниз, одновременно теряя свою форму, стремительно расплываясь, накрывая своей расползающейся массой весь окружающий участок леса.

Мы, не сговариваясь, развернулись и бросились прочь из-под накрывающего нас бушующего пламени, но оно настигло нас самым своим краем, обожгло, опрокинуло, покатило по траве...

Потом раздалось оглушающее «д-бдум!»... и все кончилось!

Мы лежали в полной темноте, оглушенные, ослепшие, опаленные и одновременно совершенно промокшие. Под нами шипела остатками испаряющейся влаги теплая земля, а сверху на нас сыпались сорванные, опаленные листья.

Потом послышался рыдающий голосок Машеуса:

– Ребята, вы где?.. Я ничего не вижу!..

– А я еще в добавок ничего не слышу... – пропищал совсем уже тонким голоском Фродо, а затем трижды яростно сплюнул.

Троль молча заворочался в траве, поднялся и принялся стряхивать с себя мусор, а я лежал тихо, не шевелясь и лихорадочно соображая, что же это я такого наворожил. Мне было радостно, что ребята пока еще не догадались о природе постигшего нас неожиданного солнечного удара, но они вполне могли, опомнившись, связать мои вокальные упражнения и последовавшую вслед за этим экологическую катастрофу. Надо было срочно придумывать, как отвечать на их грядущие вопросы.

Но отвечать мне не пришлось. Мои глаза постепенно приходили в себя после светового удара, но прежде чем я что-либо увидел, меня удивило окружившее меня молчание. Мои разговорчивые друзья словно воды в рот набрали. Когда я начал понемногу различать окружавшие меня деревья и кусты, я удивился еще больше, так как увидел по разные стороны от себя три темные фигуры, которые стояли совершенно неподвижно, подняв головы вверх.

Я чисто машинально также задрал голову... надо мной раскинулось темно-коричневое небо, усыпанное желтыми звездами!

Глава 3

Делая доброе дело, помни, что уже оказанная услуга стоит немного, и после ничему не удивляйся...

Мы не пошли искать лагерь. Мы даже не послали Фродо еще раз на дерево, поискать костер. Нам было ясно, что того костра нам не увидеть уже ни с какого дерева. Мы вообще решили не двигаться с места до рассвета.

Земля под нами была хорошо прогрета, так что растянувшись на ней, мы прекрасно смогли заснуть, даже не разводя своего костра, хотя все необходимое у нас, на этот раз с собой было. Единственное, что мы сделали – это установили дежурство, так, на всякий случай. Поскольку, я дежурил первый, мне удалось не только хорошенько подумать обо всем случившемся, прикинуть наши дальнейшие действия, но и неплохо выспаться.

Разбудил меня Па... прошу прощения, Фродо, визгливо заметивший, что чародей такого класса, как я вполне может поспать и на ходу. Просто зачарует свои ноги, и пока те будут себе топать, все остальное тело сможет спокойно отдохнуть.

Однако, открыв глаза и увидев над собой разгорающийся рассветом оранжевый купол неба, я сразу понял, что прибегать к рекомендованным хоббитом чарам мне не придется.

Вскочив на ноги и оглядевшись, я удивился, насколько место, в котором мы оказались, отличалось от того, которое вчера накрыло потоком магического света.

Мы располагались на небольшой полянке, поросшей невысокой, густой и весьма жесткой травой и окруженной достаточно светлой дубовой рощей. Одним концом полянка сбегала вниз, к зарослям высоких и каких-то жирных кустов, сквозь которые явно проблескивала вода. Противоположный, высокий край поляны упирался в наезженную колею узкой лесной дороги, выныривавшей в этом месте из леса и практически сразу же нырявшей обратно.

Из прибрежных кустов вынырнула Машеус и направилась к нам, вытирая маленьким мохнатым полотенцем шею. Увидев, что я пробудился она помахала рукой и крикнула:

– Водичка – класс! Рекомендую умыться, сон сразу слетит.

Стоявший рядом Фродо недовольно поморщился:

– Начинаются эльфийские штучки!.. Умываться, зарядку делать... Глядишь, часа через два она снова начнет своей железкой размахивать и стрелы пулять...

– А ты что, умываться не будешь? – с улыбкой посмотрел я на него.

Фродо снова скривил рожу:

– Вообще-то мы, люди богемы, так рано просыпаться не привыкли... А тем более так рано умываться...

Он, видимо хотел что-то добавить но я его перебил: – Тогда ходи с помятой харей, – и, оставив его в одиночестве, направился к заросшему берегу ручья.

Поравнявшись с Машеусом, я взглянув ей в лицо и замер. На меня с удлинившегося лица смотрели огромные зазеленевшие глаза, волосы ее стали раза в два длиннее и выцвели чуть ли не до совершенно белого цвета. Даже нос, достаточно курносый и широковатый, утончился и вытянулся, изобразив в тоже время некий намек на благородную горбинку. Мне было трудно поверить, что претерпев такие разительные перемены, можно было практически полностью сохранить свой прежний облик.

Машеус конечно обратила внимание на мое удивление и, остановившись, грубовато поинтересовалась:

– Ну, и что уставился?... Давно не видел?..

– Давно,.. почти год... – неожиданно ответил я.

– Как это?.. – не поняла она.

– Да ты посмотрела бы на себя... Эльнорда!

Девчонка вздрогнула от услышанного знакомого имени и мгновенно выхватила из внутреннего кармана своей курточки довольно большое зеркальце. Уставившись в него, она с минуту разглядывала свое отражение, проводя кончиками пальцев левой руки по своим щекам, носу, бровям, а потом тихо и растерянно прошептала:

– Эльнорда!..

Потом она подняла на меня глаза и уже громче спросила:

– Но когда же это меня угораздило?.. Я когда проснулась, посмотрела в зеркало, все было нормально...

– Так оно и сейчас не плохо, – улыбнувшись проговорил я.

– Когда, когда... – неожиданно раздалось рядом с нами бормотание незаметно подошедшего тролля, – Вот когда умывалась, тогда и угораздило... Я сам, как только умылся, сразу вспомнил, каким год назад был... Теперь бы не забыть, каким был вчера...

Мы, не сговариваясь, подняли голову и посмотрели на спрятавшийся в кустах ручеек. Потом тролль поскреб лапой свою меховую башку и рыкнул:

– Надо этого маленького мохнонога в ручье искупать... Чтобы он свои актерские замашки бросил. А то он нам весь спектакль испоганит.

Эльнорда прыснула в кулак, а я задумчиво поскреб щеку:

– А вот мне, как раз, и не стоит в этом ручейке умываться...

– Это еще почему?! – удивилась эльфийка.

– Вот умоюсь, – начал рассуждать я, – И отрастет у меня опять седая борода длиннее, чем у Черномора.

– Ага, – тут же поддержал меня тролль, – И шляпа с сапогами...

– Что – шляпа с сапогами?.. – не поняла девчонка.

– Отрастут... – коротко пояснил тролль и потопал в сторону суетившегося на поляне хоббита.

Эльнорда тем временем принялась пристально меня рассматривать, а затем хмыкнула и заявила:

– Иди, умывайся и ничего не бойся! Ничего у тебя не отрастет!

– Ты уверена? – переспросил я.

– Абсолютно! – отрезала она, – Не монтируется седая борода с твоей джинсой! Образ не тот...

Она еще раз внимательно меня оглядела с ног до головы и надменно бросила:

– А жаль!..

После этого заключения моя персона потеряла для эльфийки интерес, она развернулась, перекинула свое полотенце через плечо и потопала следом за удаляющимся троллем.

А я, слегка успокоенный уверенностью Эльнорды, направился к ручью.

Проломившись сквозь кусты, я вышел на песчаный берег ручья, присел над водой и заглянул в нее. Ручеек был быстр и неглубок, как и все знакомые мне ручьи. На дне лежали чуть колышущиеся водоросли, между которыми стремительными серебристыми искорками мелькали маленькие рыбки. У противоположного берега из воды торчали две лягушачьи головы, подозрительно пучась на меня выкаченными глазищами. Ветра не было совершенно, но бегущая вода чуть рябилась, видимо, из-за небольшой глубины.

Я несколько минут сидел так над ручьем, наслаждаясь его покоем и безмятежностью и вдруг почувствовал неодолимое желание погрузить в него ладони и лицо. Не умыться, нет! Именно погрузить ладони и лицо, так, чтобы не потревожить эту воду, эти водоросли, рыб и лягушек. «Давай...» – подтолкнула меня странная нетерпеливая мысль, словно пришедшая

в голову откуда-то со стороны, – «Давай, делай, как тебе хочется... И ты сольешься с этим Миром, станешь его частицей, поймешь и полюбишь его до конца... до донца...»

Я оторвал обе ладони от земли и плавно, стараясь не взбаламутить воды, опустил руки в ручей у самого берега. Они погрузились почти до локтя и коснулись плотного, чистого почти белого песка. Затем, опершись на руки, я встал на колени, наклонился над самой водой, задержал дыхание и медленно опустил лицо в прохладную щекочущую струю. Несколько секунд я наслаждался омывающим мою кожу потоком, а потом осторожно открыл глаза.

На песок между моих ладоней падал преломленный водой оранжевый отблеск, и создаваемое им лихорадочное мельтешение светло-темных полос и пятен, провалов и искр неожиданно напомнили мне бессистемное черно-белое мелькание на первых и последних кадрах киноплёнки.

«Что бы могла показать мне средняя часть этого оранжевого кино?...» – мелькнула в голове смешливая мысль. И в тот же момент, эти мелькающие всполохи начали принимать какой-то осмысленный вид, складываясь в странно знакомую картинку. Еще через секунду на меня уже смотрело бледное девичье лицо с огромными темными глазами в обрамлении темных же коротких волос. И на этом лице было написано такое отчаяние, что сердце у меня в груди остановилось. Мгновение эти отчаянные глаза вглядывались в мое лицо, а затем пухлые губы, обведенные тенью дрогнули, и в моей голове прозвучало: «Опять ты мне снишься! Ну когда же ты вернешься?! Когда?!»

Потрясенный и испуганный, я оттолкнулся от песчаного дна ладонями и выдернулся из воды. Сердце бешено колотилось в груди, руки тряслись, да, видимо и весь вид у меня был достаточно востропанный, поскольку в ту же минуту рядышком со мной раздался удовлетворенный голос хоббита:

– Вот видишь, что с человеком умывание делает!.. Умылся и, без малого, что не заикается... Ты что же, Душегубушка, хочешь чтобы я тоже ополоумел?!

Я быстро повернулся на голос. Рядом со мной на самом берегу ручья стоял тролль, задумчиво разглядывая мою скрюченную фигуру с мокрой головой и ошалевшими глазами. У него подмышкой индифферентно висел маленький обхваченный поперек тулова хоббит и тоже заинтересованно меня разглядывал.

– Что это с тобой? – поинтересовался наконец Душегуб.

– Я... я Кину видел... – едва слышно выдохнул я.

– Где? – тут же востропнулся Фродо и дрыгнул ногами так, что тролль едва смог его удержать. А хоббит, приставив ладошку козырьком ко лбу, принялся пристально вглядываться в противоположный берег.

– Я... ее под водой видел... – несколько увереннее пояснил я.

– Утопла?! – горестно вздохнул хоббит.

– Ты мне надоед!.. – утробно проворчал Душегуб, – Ни слова не даешь сказать Серому без своих комментариев.

– Так оставь меня в покое! – тут же заверещал хоббит, – Можно подумать, это я тебя зажал под своей волосатой, вонючей подмышкой!

Тролль, в ответ на это явно незаслуженное оскорбление своей подмышки, глухо гукнул, мгновенно перехватил Фродо за ноги и тут же опустил мохнатую головенку по самые плечи в ручей. Подержав ее под водой пару секунд, он выдернул свою жертву на воздух и удовлетворенно проворчал:

– Ну вот, теперь от тебя не будет пахнуть вонючими подмышками.

Хоббит обиженно молчал. Паричок его намок, с головы в ручей бежала водичка. Тролль, видимо, слегка раскаиваясь в содеянном, быстро, но нежно перевернул Фродо и

осторожно поставил его на ноги. Теперь вода побежала Фродо за воротник. Он бросил на тролля взгляд полный горького упрека, а потом низко ему поклонился:

– Спасибо-о-о!..

– Не за что... – коротко буркнул в ответ Душегуб.

– Нет уж, большое спасибо-о-о! – снова протянул хоббит, и в его голосе появилась горькая ирония.

– Да не за что... – повторил тролль.

– Спасибо, что совсем не утопил! – неожиданно взвизгнул хоббит, – А то, этот придурочный магистр всех магий рядом со своей Киной и мое бездыханное тело увидал бы!

И он кивнул в мою сторону.

– Ну что ты, – ощерился в улыбке Душегуб, – Я бы тебя ни за что полностью в воду не отпустил бы. Хоть за пяточку, а держал бы... как мамочка Ахилла.

Хоббит со свойственным ему непостоянством тут же переключился на предложенную троллем тему. Бросив на своего обидчика подозрительный взгляд исподлобья, он сурово переспросил:

– Чья мамочка и кто такой Ахилла?

Душегуб снова довольно ощерился:

– Как, ты не знаешь? Это же известный случай из истории греков. Одна мама взяла своего малолетнего сынка Ахилла за пяточку и прополоскала его в ручейке под названием Лета...

– Зачем? – коротко поинтересовался хоббит.

– Чтобы сделать неуязвимым для оружия...

Хоббит долгим заинтересованным взглядом посмотрел на ручей, а потом перевел сверкающие глазенки на совершенно серьезного тролля:

– Так ты что, хочешь сказать, что теперь по моей голове можно колотить любым железом, и ей ничего не будет?

– Ну, если ты считаешь, что это и есть пресловутая Лета, то так оно и есть... – невозмутимо ответил тролль.

Фродо тут же повернулся ко мне:

– Серый, как этот милый ручеек называется?

Я, наконец-то, поднялся с колен и недоуменно пожал плечами:

– Откуда мне знать?

– Географию учить надо, маг недоделанный! – грубо проворчал Фродо.

Но в этот момент наш чрезвычайно интересный разговор прервал мелодичный голосок Эльнорды, позвавшей с поляны:

– Ребята, кончайте водные процедуры, завтрак готов!

– Пошли, умытые, – тут же распорядился Душегуб, – Кстати, Серый, там и расскажешь, как ты в ручье Кину увидел, и что она тебе сообщила.

Он повернулся и пошел сквозь кусты, мы с Фродо двинулись следом.

Посреди полянки пылал неизвестно откуда взявшийся костерок, над которым был примастырен маленький канчик – плоский такой котелок для весьма продвинутых туристов. Рядом с костром был постелен почти новый плед, и на нем в живописном беспорядке красовался наш завтрак. Увидев его, я тут же довольно громко поинтересовался:

– Что, у нас гости?

– Почему? – спросила Эльнорда.

– Потому что вчетвером такого количества продуктов нам ни за что не съесть.

– Почему? – Вступил в разговор Душегуб.

Я посмотрел на него, и понял, что был не прав.

Когда мы, как выразился Душегуб, слегка подкрепились, запив это «слегка подкрепились» очень неплохим чаем, Эльнорда шустренько собрала кружки и направила Фродо пополоскать их в ручейке. Затем она стряхнула с пледа то, что осталось от нашей трапезы, проговорив: – Птичкам надо тоже есть... – на что я ответил: – Не много же им тролль оставил.

Душегуб довольно посмотрел на меня и подтвердил сказанное: – Да, я аккуратный.

Плед был упакован в очень компактную скатку и скрылся в троллевом мешке. Кружки рассованы в два оставшихся мешочка, и уже через десяток минут, наша команда шагала по дороге в выбранном мной направлении.

Почему я направился от поляны вправо, я и сам не мог объяснить, просто меня потянуло в эту сторону, какое-то внутреннее чутье.

Мы углубились в чистенькую, светлую рощу. Дубы – могучие старые деревья, стояли довольно далеко друг от друга, но пространство между ними было свободно и от кустов, и от мелкой древесной поросли. Особенно удивляло отсутствие молодых дубков, согласитесь, старые деревья должны были ежегодно ронять на землю желуди, но новых побегов в этой чудесной рощице не наблюдалось. Идти, естественно, было легко и приятно, что, в свою очередь, располагало к разговору.

– Гэндальф, – проворчал тролль, – Ты бы нам рассказал, как ты увидел королеву. А то за завтраком я, право слово, подзабыл об этом случае...

– Да! – тут же поддакнул хоббит, – Расскажи о своем видении, так тебя напугавшем. Ты знаешь, Эльнордочка, – повернулся он к эльфийке, – Я его когда на берегу увидел, он был, буквально... опрокинутым!..

– Каким? – не поняла девушка.

– Ну, опрокинутым... На себя непохожим... от испуга...

– Гэндальф – от испуга!.. – удивлено покачала головой Эльнорда.

– Да нет, – вмешался тролль, – Просто Фродо висел у меня подмышкой, так что ему весь мир казался опрокинутым.

Хоббит, как ни странно, не стал опровергать тролля, видимо, его состояние после завтрака было достаточно благодушным. Он с улыбкой повернулся в сторону Душегуба и махнул мохнатой ладошкой:

– Я полагаю, ты не будешь спорить, что наш уважаемый маг выглядел достаточно потрясенно!

– Не буду... – Согласился тролль, довольно удивленный такой покладистостью малыша.

– Подождите, ребята, – воскликнула Эльнорда, – Пусть Серый расскажет, что он видел, а потом мы решим, достойно ли было увиденное его потрясения.

– Я всегда говорил, что она – светлая голова, – проворчал тролль, – Давай, Гэндальф, рассказывай. А ты, – он повернулся в сторону шагнувшего рядом хоббита, – Молчи и не перебивай. А то я тебе рот закрою!

Фродо только молча пожал плечами.

– Да мне и рассказывать особенно нечего, – несколько смущенно начал я, – Просто я опустил голову в ручей и открыл глаза... И вдруг передо мной появилось лицо Кины... странное такое лицо... страдающее... Она на меня посмотрела и сказала, что я ей опять снюсь. А потом спрашивает, когда же я... снова вернусь.

– Ну, и чего же ты испугался? – улыбнулась Эльнорда.

Я задумался и ответил не сразу:

– Понимаешь, все произошло очень неожиданно... Потом – ее лицо. Ты бы видела насколько оно было измучено. Ну, и кроме того, непонятно, кого она видела во сне. Ты же помнишь, она знала меня в бороде, шляпе,.. ну и прочем, а сейчас я выгляжу совершенно по-другому!

– А ты помнишь, что Кина сама достаточно серьезный маг? Почему ты решил, что она не рассмотрела тебя Истинным Зрением?

Этой сообразительной девчонке снова удалось удивить меня! Однако, еще немного подумав, я произнес:

– И все-таки, главное – ее жутко измученное лицо... Такое впечатление, что бедняжка давно не знает, что ей предпринять?

– Так ты видел только ее лицо? Целиком ты ее не видел?! – неожиданно нарушил обет молчания Фродо.

– Нет, только лицо, – чуть вздрогнув ответил я. Уж больно явственно это лицо возникло в моей памяти.

– Ну вот, – взмахнул хоббит ручками, – А говорил, утопла!

– Это ты говорил «утопла», – перебил его тролль.

– Я?! – тут же возмутился хоббит.

Но Эльнорда снова перебила обоих, не дав разгореться спору на тему «Кто – Я?!». Она распахнула свои глазищи в мою сторону и спросила:

– А ты не проверил этот ручей и его бережок на предмет наведенной магии? Может тебя кто сознательно дурил?!

Тролль и хоббит потрясенно замолчали, а я сам уставился на девчонку в изумлении. Только спустя секунду я выдал из себя:

– Да мне это и в голову не пришло!..

– И мне, – поддакнул Фродо за что получил легкий подзатыльник от тролля.

Я же, не обращая больше внимания на вновь начавшееся выяснение отношений между Фродо и Душегубом, торопливо пробормотал короткий наговор, обостряющий восприятие окружающего магического фона, и начал тщательно прощупывать окрестности.

Поначалу я не заметил ничего настораживающего, только где-то вдалеке чувствовалось небольшое клубящееся возмущение магии. Потом у меня возникло ощущение, что за нашим Братством кто-то наблюдает, причем наблюдает... я бы сказал, краем глаза, боковым зрением, так, чтобы объект не чувствовал тяжести взгляда. А потом во мне проснулось странное чувство незащитности! Я не сразу понял в чем дело, но это ощущение незащитности, открытости, распахнутости в мир стремительно усиливалось, порождая чуть ли не панику! Чудовищным усилием воли я взял себя в руки и тут же понял, что проистекает это чувство от... пустых рук. Именно то, что в моих ладонях ничего не было, рождало это жуткое чувство.

Мне не хватало... посоха!

Именно в этот момент мне стало ясно что такое есть для мага волшебная палочка – волшебный проводник его магической силы, мастерства и мудрости от чародея к миру... К Миру!

Я тряхнул головой и сквозь стиснутые зубы выдохнул из груди застоявшийся воздух, словно возвращаясь к собственному сознанию. И тут же понял, что меня окружает странная тишина, нарушаемая только легким шорохом наших шагов.

Я огляделся и увидел, что мои спутники шагают рядом и буквально не спускают с меня испуганно-настороженных взглядов.

– В чем дело?.. – поинтересовался я и удивился тому хриплому рыку, что сорвался с моих губ.

– Нам показалось, что ты уже минут десять не дышишь... – ответила за всех Эльнорда. Тролль и хоббит энергично покивали.

– Ну зачем мне дышать? – усмехнулся я в ответ, – Переводить, можно сказать, воздух чужого мира...

Ребята неуверенно улынулись моей дурацкой шутке.

– А вот можно, мой дорогой товарищ, – обратился я к Душегубу, – Попросить тебя об одной услуге?

Троль только молча кивнул.

– Не отломишь ли ты для меня небольшую дубовую веточку?

Троль шагнул к ближайшему дубу и без особых затруднений отломил одну из нижних ветвей толщиной эдак пальца в два-три. Ветка, протянутая мне Душегубом, была довольно длинной с богатой зеленой листвой. Я с некоторым сомнением посмотрел на нее, и тут же Фродо, словно уловив мою невысказанную мысль, выхватил у троля его добычу, а из-за пояса свой широкий кинжал и принялся деловито обстругивать ветвь. В результате, через несколько минут он протянул мне недлинную, не более пятидесяти сантиметров, палку, покрытую корой, на толстом конце которой торчал неопрятно срезанный короткий сучок.

Я взял эту... дубинку, и она мне неожиданно понравилась. Понравилась своей живой увесистостью, своей хватистостью. Она сразу стала словно продолжением моей ладони. Вот только была в ней какая-то шероховатость, какая-то незавершенность. Я несколько минут разглядывал свою дубинку и вдруг понял в чем дело. Чуть толкнув дубинку через ладонь своей магической силой, я придал ей необходимое внутреннее движение и... на отрезанном сучке проклюнулась невидимая до сих пор почка, а через мгновение развернулись два небольших дубовых листочка.

– Вот теперь все в порядке, – удовлетворенно вздохнул я.

И неожиданно увидел довольные улыбки на лицах своих друзей. На мой безмолвный вопрос ответил маленький хоббит:

– Ну и ладушки! А то мы чувствуем, что ты не в своей тарелке! А тебе, оказывается, всего-то и нужно было, дубинку по руке!

– Это, Фродушка, не дубинка, – ласково, как малому ребенку, пояснил я, – Это – волшебная палочка...

Чего?! – обиженно пропищал хоббит, решивший, что я его разыгрываю, – Кончай заливать, что я волшебных палочек не видел?

– А где ты их видел? – удивился я.

– Да я в шести сказках главные роли играл! – прорезался в хоббите Паша, – И в каждой кто-нибудь волшебной палкой размахивал! И все палки были тоненькими такими, как у дирижера, и со звездочкой на конце! Раз, два, три, – Фродо помахал в воздухе мохнатым кулачком, словно дирижировал оркестром, – А у тебя – дубина! Ею только черепа пробивать, ум наружу выпускать!

– Ну что ж, – неожиданно согласился я, – Эта палочка, вернее – этот жезл, может пригодиться и для этих целей. Хотя это то же самое что забивать гвозди скрипкой Страдивари.

Мы продолжали шагать по лесной дороге, и я неожиданно подумал, что, пожалуй, неверно выбрал направление движения. Дорога становилась все более заросшей, ее колея исчезала под травяным ковром, и только просека показывала, что здесь иногда проезжают люди.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, но в роще было прохладно. Разговор как-то замер. Я включил магическое зрение чтобы еще раз оглядеться и тут же снова почувствовал чужой внимательный взгляд. На этот раз он рассматривал нашу компанию прямо, не таясь и... с явной угрозой. Вот только источник этого взгляда я никак не мог определить. «Совсем потерял чутье и навык!..» – с досадой подумал я.

– Что-то мне в этом лесу стало не совсем приятно... – неожиданно тихо пробормотала Эльнорда, – Он словно стал совсем чужим...

– Он и есть – чужой... – прогудел троль.

– Это от переполненного желудка! – жизнерадостно заявил Фродо, – Нельзя за завтраком есть столько колбасы с огурцами, тем более перед дальним походом. Вот тяжесть в желудке передается на голову, а затем и на все тело. Отсюда угнетенное состояние духа и...

Договорить ему не дали. В пяти метрах перед нами, между двумя могучими дубами, стоявшими по разные стороны от просеки, по которой мы двигались, с треском проскочила желтовато-зеленая молния, не причинившая никакого ущерба деревьям. Следом за этим я увидел, как вокруг нас в магическом спектре начала возникать серая толстая паутина. Обычным глазом ее не было видно, но я ясно наблюдал ее торопливое плетение. Мне даже казалось, что я слышу шуршание серых шнуров, охватывающих пространство вокруг нас частой, чуть потрескивающей сетью.

Я остановился сам и негромко проговорил:

– Стойте!..

Ребята тут же встали, как вкопанные. Троль угрожающе поднял свой гердан, Фродо положил ладошку на рукоять кинжала, и только Эльнорда, самая выдержанная из моей команды, не делая угрожающих движений, тихо спросила:

– Ты что-то видишь?

– Да, нас хотят остановить. Я попробую выяснить, кто и зачем это делает.

Оставив ребят на месте, я осторожно продвинулся вперед и остановился у самой магической преграды. Присев на подвернувшийся трухлеватый пенек, я начал осторожно исследовать сотканную неизвестным доброжелателем сеть. Ее формула была достаточно проста, так что уже через пару минут мне стало ясно – нас не пытались остановить, нас пытались трансформировать! Если бы мы не заметили этой ловушки и продолжали свой путь, то, пройдя сквозь эту милую сеточку, мы превратились бы в... диких животных! Простенькая такая гадость непрямого действия!

Я не стал заниматься дальнейшей расшифровкой, чтобы узнать в какого именно зверя перекинулся бы каждый из нас. Вместо этого я потянулся вдоль серенькой ниточки, уходившей от одной из нижних ячеек магической сети между травинками в сторону одного из дубов – генераторов виденной нами молнии.

Следок был едва заметен, но вел недалеко, так что я без труда добрался до автора поставленной на нас ловушки. Он сидел внутри дуба. Было там дупло и довольно большое, так что разместиться было где. Вот только выход наружу из этого дупла отсутствовал и было совершенно непонятно, как туда попал этот странный охотник на людей. Однако, деревянный мешок, в котором был заключен наш супостат, совсем не мешал мне поговорить с ним.

Я поднял свою волшебную палочку и легонько помахал ей, словно постукивая по стволу дуба. Несмотря на то, что между мной и дубом было еще метра четыре, раздался отчетливый глухой стук. И немедленно в моей голове прозвучал отчетливо различимый голосок: – «Кто там?..»

«Тебя приветствуют Гэндальф Серый Конец со товарищи...» – несколько высокопарно приветствовал я мысленно спрятавшегося в дубе чародея, – «И он желает знать, почто ты намеревался превратить его Братство в бессловесных животных?!»

Моя жесткая постановка вопроса мне самому очень понравилась, но не произвела никакого впечатления на моего собеседника.

«Кто меня приветствует?..» – с явной насмешкой переспросил он.

«Гэндальф Серый Конец...» – повторил я.

«Ха!» – неизвестно чему обрадовался мой визави, – «Никакого Гэндальфа нет!»

«То есть, как?!» – опешил я.

«А так», – еще больше развеселился этот дубосед, – «Согласно королевского указа никакого Гэндальфа никогда не было, нет и не будет! А все его Братство Конца – досужая выдумка придворных бездельников...»

«Ладно, с этим мы потом разберемся», – решил я, – «Сейчас отвечай, кто ты такой и почему вознамерился превратить людей в животных?»

«А кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы?» – нагло переспросил он, – «Это ж надо, подходит какая-то выдумка и начинает задавать вопросы!»

Вот тут он меня достал! Мое копившееся раздражение переросло в ярость, я медленно поднял свою волшебную палочку и коротко подумал: «Щас я тебе покажу – кто я такой!..»

С вершины моей дубинки сорвался темный кроваво-красный, тонкий, как спица луч и впился в кору обитаемого дуба. Проткнув древесину луч растекся по внутренней поверхности дупла, и она сразу начала тлеть, наполняя дупло сизоватым дымком. Через секунду твердая древесина занялась веселым огоньком сразу в нескольких местах.

Обитатель дупла задержался, захлопал по дубовым стенкам своего жилища, пытаясь сбить нарождающееся пламя, но это ему не слишком удалось. Поэтому, уже через секунду он буквально завопил:

«Кончай пожар устраивать!.. Я все скажу, что знаю!.. Не надо меня поджаривать!..»

Я опустил свой жезл, луч погас, и следом снова прозвучал мой вопрос:

«Так кто ты такой и почему замышлял против нас зло?»

«Кто такой?.. Кто такой?..» – недовольно буркнули из дупла, – «Королевский загонщик я! Меня сюда сама королева... поместила, именно для того, чтобы я непрошенных гостей в зверье превращал! Мало, понимаешь, в королевской охотничьей роще зверья осталось, а всяких бродил-проходимцев бродит, проходит многоватенько. Вот их и надлежит в зверье перекидывать. А потом королева охотится на них!»

«Так...» – растерялся я от такого сообщения, – «И как же ты из этого дуба выбираешься?»

Вопрос был задан только для того, чтобы поддержать беседу, поскольку известие о том, что Кина охотиться на живых людей, пусть даже и в зверином облике, несколько выбило меня из колеи. Но этот, на мой взгляд, достаточно невинный вопрос почему-то чрезвычайно обидел загонщика.

«Никак я не выбираюсь!» – неожиданно заорал он так, что у меня чуть не лопнула голова, – «Кто ж может выбраться из заговоренного дуба?! Может этот твой Гэндальф?!»

«А как же... это... естественные надобности?» – поинтересовался я, игнорируя вопрос о способностях Гэндальфа.

«Забирают меня отсюда... каждую неделю... на три часа...» – нехотя ответил загонщик, – «Вот, как раз сегодня должны забрать...»

У меня мелькнула дельная мысль, и я задал свой очередной вопрос: «Так тебя в Замок переносят?»

«Ну да, станут возиться с простым загонщиком!» – горько ответил бедолага, – «Выдернут из дуба, а там добираться на своих двоих!»

«И долго тебе, несчастному брести?»

«Да часа два...»

«А если я тебя из твоего деревянного мешка достану, ты нас в Замок сможешь проводить?»

Последовало довольно долгое молчание. Я уж было решил, что этот странный королевский загонщик расхотел со мной беседовать, но в этот момент донеслось: «Проводить, конечно, можно, только не сможешь ты мне отсюда достать. Раз уж я сам не могу, то... Только королева... если не забудет...»

«А что, может забыть?» – невольно вырвалось у меня.

«Да однажды я почти три недели здесь отсидел... Без перерыва...»

Я быстренько припомнил заклинание переноса. Никаких сложностей оно у меня не вызывало, да и перенести-то надо было небольшое тело всего на каких-то два-три метра.

Затем я обследовал дуб и дупло на предмет сторожевых заклинаний. Действительно, было там три-четыре заморочки, но, как мне казалось, обойти их не представляло большого труда.

Я повернулся к своим ребятам и увидел, что они уселись на травке и, в ожидании окончания моих манипуляций, что-то жуют.

– Эльнорда, – окликнул я эльфийку, – Сооруди-ка еще пару бутербродов, сейчас у нас гость будет.

Девчонка совершенно спокойно кивнула и полезла в мешок, словно принимать неизвестно откуда появляющихся гостей было для нее в порядке вещей.

Я связал заклинание переноса, наметил короткий маршрут в обход поставленных сторожей и ловушек и запустил его. Через расчетные четыре минуты и двадцать восемь секунд рядом с дубом материализовался маленький человечек босой и в потрепанной одежке. Ошарашено оглядевшись по сторонам, он неожиданно юркнул за дуб, и оттуда послышалось характерное пыхтение.

– Это что ж, это мы должны этого заср... бомжа кормить?!

Возмущению экспансивного Фродо не было предела.

– Не волнуйся, эконо́м ты наш, бомж, я надеюсь, свой завтрак отработает, – попытался я успокоить взволновавшегося хоббита. И тут меня поддержал Душегуб:

– Конечно волноваться нечего. Если он харч не отработает, мы его самого на харч пустим.

– Вот еще! – тут же заверещал Фродо, – Стану я есть всяких грязных оборванцев!

– А мы его перед употреблением помоем... – спокойно ответил тролль.

– Перестаньте, ребята, – вмешалась в гастрономический диспут эльфийка, – Продукты у нас еще есть, почему не накормить голодного?..

Голодный, наконец, показался из-за дуба и немного нерешительно направился в нашу сторону. Скользя по мне незаинтересованным взглядом, он повернулся к сидящей компании и представился:

– Меня зовут... звали раньше Агрот Великолепный и я занимал должность первого королевского чародея, – он наклонил свою взъерошенную, грязноватую голову, а потом вежливо осведомился, – А кто из вас, почтеннейшие, называет себя Гэндальфом Серым Концом?

– А зачем он тебе? – в свою очередь поинтересовался тролль, бросив на человечка красновато блеснувший взгляд. Загонщик под этим взглядом слегка вздрогнул и, решив, что этот огромный шерстяной верзила с такими страшными малюсенькими глазками и должен быть тем самым кошмарным, несуществующим волшебником Гэндальфом, рухнул перед троллем на колени:

– Прости меня, величайший из ныне живущих магов, в моем невежестве и неверии. Во всем виноват королевский указ, сбивший меня с толку, а я всегда верил в существование могучего Гэндальфа. Тем более, что я сам слышал рассказ доблестного Шалая о Братстве Конца!

Ребята с большим интересом выслушали речь маленького оборвыша, а затем тролль гулко кашлянул и высказался:

– Мужик, ты что, припадочный?.. Какой я тебе Гэндальф? Могучий Гэндальф вон стоит, – он кивнул в мою сторону, – А я могучий Душегуб... Понял?

– А я – могучий Фродо! – тут же добавил хоббит.

– На, вот, покушай, – протянула Эльнорда оборванному загонщику бутерброд с колбасой.

Тот схватил бутерброд обеими руками и повернулся ко мне:

– Ты – Гэндальф?

В его голосе под самую завязку плескалось недоверие.

Я кивнул:

– Что, не похож?..

– На тебе странные одежды, и лицом ты слишком молод для такого славного имени...
– осторожно ответил оборванный загонщик и вонзил зубы в свой бутерброд.

Надо сказать, что ел Агрот Великолепный крайне неаккуратно, торопливо, не жуя, давась. В несколько секунд запихнув в рот все, что у него было в руках, он выпучил глаза и лишь со второго раза смог проглотить нажеванное. Переведя дух, он воззрился на второй бутерброд, который протягивала ему Эльнорда, и буквально пропел:

– Благодарствую, о прекрасная девица, пусть твоя красота и твое доброе имя пребудут вовеки в людской памяти, пусть судьба пошлет тебе в супруги принца – наследника великого престола, и пусть духи земли благословят твое чрево двенадцатью прекрасными детьми!..

С этими словами прожорливый загонщик-маг выхватил из рук опешившей эльфийки еду и вновь принялся набивать рот. Эльнорда покачала головой:

– Ну и пожелания!.. Двенадцать детей! Осчастливил, гад!

– Двенадцать маленьких эльфят и все ужасно есть хотят... – пропел веселый Фродо.

– Ну, это все-таки не так страшно, как двенадцать маленьких троллят... – задумчиво добавил Душегуб.

Мы с сочувствием посмотрели на него и замолчали.

Слопав второй бутерброд, оборванный королевский загонщик масляным взглядом посмотрел на Эльнорду и спросил:

– Мясо какого животного кладешь ты на твой великолепный хлеб, прекраснейшая из посудомоек?

– Что?! – немедленно повернулась к нему эльфийка, мгновенно превратившаяся в разгневанную фурию. В руке у нее сверкала шпага, кончик которой упирался в желудок несчастного. Тот совершенно не ожидал такого превращения, а потому страшно побледнел и застыл, боясь пошевелиться.

– Ты кого это, чумахая образина, посудомойкой назвал?!

– Я... прекраснейшей... чудеснейшей... шестнадцать дивных деток... – пролепетала в ответ нечто совершенно нечленораздельное «чумахая образина».

– Я говорил, не надо его кормить! – тут же вмешался Фродо, – Смотрите, что с ним наши харчи сделали, совсем мужик разум потерял.

Фродо встал с травы, подошел к Агроту, отодвинув в сторону острие Эльнордовой шпаги и с сочувствием спросил:

– Ну что, согласен, что переедать нехорошо?..

Тот отрицательно помотал головой и, видимо, чуть придя в себя, начал путано пояснять:

– Я не сыт... Я только хотел спросить насчет... что сверху лежало... очень вкусно... но ваша служанка...

Кончик шпаги описал замысловатую кривую и снова уперся в живот Великолепного.

– Это кто служанка?!

Было видно, что Эльнорда совершенно озверела от нанесенных оскорблений. Я решил вмешаться, но не успел.

– Нет вы посмотрите на него! – заверещал хоббит, – Сожрал все наши запасы и «не сыт»! Да это не Агрот, а оглоед какой-то! Не углядишь – он и мешки наши сжует!

– Кто служанка?! – вновь раздался вопль потерявшей человеческий вид эльфийки.

– Эльнорда, отдай его мне, – вмешался, поднимаясь с земли Душегуб, – Я его на хлеб намажу!..

И вот, когда все мы оказались на ногах Агрот Великолепный... сел. Видимо, вид поднимающегося с земли Душегуба добил его окончательно, поскольку он не только сел, он

еще закатил глаза и повалился наземь. Все члены моей команды в разной степени изумления уставились на бездыханное тело.

– Ну, ребята, вы привели в полную негодность нашего проводника, – сдерживая улыбку проворчал я.

– Бедняжка, – прошептала враз успокоившаяся Эльнорда, – Я, наверное, очень его напугала?..

– Просто он совершенно обьелся! – коротко констатировал хоббит и наклонился над лежащим Агротом, – Но еще дышит...

Эльнорда быстро вложила свою страшную шпагу в ножны и метнулась к открытому мешку. Забулькала жидкость, и в следующее мгновение эльфийка опустила на одно колено рядом с распростертым телом, держа у руке кружку с холодным чаем.

– Душегубушка, подними ему голову.

Душегуб хмыкнул, ухватил лежащего мага за ворот ветхого кафтанчика, рывком поставил на ноги и чуть встряхнул. Тот сразу открыл глаза и, наткнувшись на тлеющий красным огнем взгляд тролля, прохрипел:

– Не надо меня намазывать, верните меня в мой дуб...

– Успокойся, никто не думает тебя обижать, – пропела Эльнорда своим чудесным голосом, – На вот, выпей, тебе сразу станет легче.

Слабая улыбка всплыла на физиономии Агрота, но взгляд, брошенный на Эльнорду был странен – один его глаз наслаждался красотой девушки, а другой лихорадочно обшаривал ее руки в поисках жуткого клинка.

Тем не менее он с благодарностью принял из рук Эльнорды кружку с холодным чаем, с интересом взглянул на темно-коричневую жидкость, а потом, вновь переведя глаза на девчонку, спросил:

– Как мне именовать тебя, о прекрасная, чтобы в дальнейшем не вызывать твою ярость?

– Меня зовут Эльнорда, я эльф из рода сумеречных эльфов! – гордо ответила та.

В этот момент тролль отпустил воротник королевского загонщика. Тот слегка покачнулся, но остался стоять на ногах. Более того, он вполне самостоятельно поднес к своим губам кружку с чаем и прихлебнул. И тут же скривил противную гримасу:

– Это же не вино!..

– Это чай, – терпеливо пояснила эльфийка, – Полезный и вкусный напиток...

– Мясо надо запивать вином! – упрямо заявил оборванец.

– Судя по твоей одежде, ты не должен знать, что такое хорошее вино, – насмешливо парировала девчонка.

– И вообще, пьянству – бой! – вставил свое веское слово тролль и тут же прибавил, – Хотя от вашего пива я бы не отказался...

– А вот проводит нас уважаемый Агрот в Замок, там вас пивком наверняка угостят, – вкрадчиво произнес я.

– Да, да, – встрепенулся Агрот, – Пора идти, а то можно и опоздать...

Он еще раз посмотрел на кружку в своей руке и сморщившись, протянул ее Эльнорде. Та взяла посуду, выплеснула из нее чай и пошла укладывать мешок. Через пару минут мы были вновь готовы к походу.

Агрот Великолепный двинулся совсем не по дороге. Он зашагал между дубами по непрямой траве в одному ему известном направлении. Когда я поинтересовался, почему мы оставили наезженную колею, он резонно ответил, что у нас нет экипажа, а потому мы можем здорово сократить путь. Спорить было бессмысленно, поэтому я перевел разговор на другое:

– А почему ты сказал, что Агротом Великолепным тебя называли прежде? Сейчас что, тебе присвоено другое имя?

Он бросил в мою сторону недовольный взгляд, но все-таки ответил:

– Летом прошлого года, когда Гэндальф Серый Конец пропал вместе со своим Братством во время королевской охоты, королева не стала отменять только что ею введенные придворные должности. На место камер-советника с правом решающего голоса был поставлен Юрга из Сотдана, а должность придворного чародея, занял я. И должен тебе сказать, что занял я ее в серьезной борьбе с еще четырьмя претендентами. Вот если бы мы встретились в те времена!.. – мечтательно проговорил маг-загонщик, – Я был высок, красив и элегантен...

Он помолчал, вспоминая, видимо, времена своей славы. Мы его не торопили, и наконец он продолжил рассказ:

– Да, занял я, значит, должность придворного чародея, хотя до сих пор не могу понять, зачем королеве Кине понадобился еще какой-то придворный чародей. В общем, через три месяца я впал в немилость, а еще через пару месяцев, королева заявила, что я полный неуч и что мне есть одно только применение – быть королевским загонщиком, потому что, кроме как превращать людей в животных, я ничего не умею... Вот она меня и... усадила в это дерево.

Агрот вздохнул и совсем уж горестно добавил:

– Она и имя мне сменила...

– И как же тебя теперь дразнят? – буркнул грубый тролль.

– Именно – дразнят, – согласился Агрот, – Она сказала, что будет меня называть не Агрот Великолепный, а Агрот – Задарма Набей Живот, и даже выпустила по этому поводу королевский указ...

– Я всегда считал Кину умницей, – словно бы про себя проговорил Фродо и тут же обратился к Агроту со своим вопросом, – Ну а этот выскочка из... Как ты сказал? Из Сотдана? Он-то сколько на своей должности продержался?

– О! – воскликнул Агрот, – Юрга из Сотдана оказался очень умным. Сейчас он не только занимает должность камер-советника, он стал ближайшим советчиком королевы! Поговаривают даже, что Кина может выбрать его в мужья. Это именно он уговорил королеву подписать указ о том, что Гэндальфа Серого Конца и его Братства никогда не было, нет и не будет!

– Да почему Кина подписала такую глупость?! – в сердцах воскликнул я.

– Ш-ш-ш, – зашипел на меня Агрот, – Ты что говоришь?! Какую глупость?!

Он осмотрелся и громко заорал:

– Мудрее и дальновиднее нашей королевы нет во всем свете! – а потом тихо-тихо добавил, – И у дубов бывают уши... А насчет того, почему... Королева никак не могла понять, почему Гэндальф, Эльнорда и... остальные... почему они ее бросили. И это ее очень мучило. Вот Юрга и предложил ей считать, что никого не было и никто ее не бросал! А сейчас она и сама в этом уверена...

– Уверена?.. – глухо переспросил я.

Агрот в ответ только кивнул.

– Ничего, мы ее разуверим, – негромко прорычал тролль.

– Вы, ребята, не забывайте, мы здесь по делу, – также негромко напомнила Эльнорда, – Нам бы свои проблемы решить.

– Ничего, – самоуверенно и громко проверещал Фродо, – Мы и свои проблемы решим, и чужие, а кое-кому наставим... проблем!

В этот момент мы вышли на опушку рощи. Не далее чем в паре километрах от этой опушки, виднелась одинокая серая глыба Замка. Слева к нему тянулась так хорошо знакомая нам дорога, выныривавшая из тех самых холмов, где во времена оны нас поджидала рать рыцарей Храма, когда мы возвращались в Замок с телом королевы Кины. Прямо перед нами,

в половине пути до Замка стоял небольшой, явно недавно построенный домик с башенками и узорчатыми витражами в окнах. Справа от Замка, вдалеке, виднелись горы.

Агрот кивнул на новенькую постройку и с непонятной ненавистью проговорил:

– Новая охотничья хижина королевы! Тоже Юрга придумал...

– Так, может, мы туда заглянем? – предложил Фродо.

– Нет, не стоит, – поспешно проговорил наш проводник, – Там сейчас никого нет... кроме... дичи...

– Какой дичи? – переспросил я, внутренне холодея.

– Ну... – замялся Агрот, а затем, махнув рукой, пояснил, – Там постоянно держат человек двадцать. На тот случай, если королеве захочется поохотиться, а прохожих в роще не будет. Тогда в рощу приводят этих... из домика, превращают в зверье и гоняют...

– Как же можно охотиться на людей?! – воскликнула пораженная Эльнорда.

– Не знаю... – устало проговорил Агрот, – Это тоже Юрга придумал. Он как-то смог доказать королеве, что раз она никого не убивает, то ничего страшного с этими людьми не происходит. Она даже иногда разговаривает после охоты со своей дичью... Правда она не знает, что охотится она на одних, а разговаривает с другими... Я-то видел эту «дичь» после охоты... они совсем не могут разговаривать, все стараются в темный угол забиться...

– Так! – глухо буркнул тролль, – У меня большое желание поскорее познакомиться с этим самым Юргой... Посмотрим, достаточно ли крепка у него шея!

– Но, как же Кина? – задумчиво проговорил я, – Она же маг, неужели ее можно так просто провести?

Агрот только молча пожал плечами.

– Слушай-ка, бывший придворный чародей, ныне королевский загонщик, а не подскажешь ли ты нам, где можно отыскать набольшего воеводу Шалая? Мне представляется целесообразным побеседовать с ним перед тем, как предстать пред очи нашей достославной королевы.

– Подскажу, – неожиданно усмехнулся оборвыш, – Почему не подсказать. В изгнании Шалай, в своем поместье.

– Почему?!

Вопрос был задан одновременно тремя голосами, и во всех звучало потрясение!

– По королевскому указу, – невозмутимо ответил королевский загонщик, – Шалай отказался подчиниться королевскому указу, касающемуся Гэндальфа и всего Братства Конца. Причем сделал это в недопустимо грубой форме...

– В какой форме? – переспросил Фродо, – В смысле, как он это выразил?

– Он заявил, что еще не выжил из ума и не намерен отказываться от лучших дней собственной жизни и своих лучших друзей. А если какой-то негодяй объявляет их несуществующими, то королеве следует разобраться, какую цель этот негодяй преследует.

– Узнаю Шалая, – воскликнула Эльнорда.

– Говорят, теперь его трудно узнать, – сверкнул в ее сторону взглядом Агрот, – Его лишили всех званий и отправили в единственное оставленное ему имение. Без права выезда из оно. Теперь он занимается огородничеством и... пьет горькую.

– Кого еще выслали за несогласие с указом королевы? – спросил я, в принципе, догадываясь, чье имя сейчас будет названо.

– Намеревались выслать графа Изома... Говорят, тот вообще после обнародования указа о не существовании Братства Конца появился в покои королевы и назвал ее вздорной, неблагодарной девчонкой. Она хотела его арестовать и подвергнуть поднадзорной ссылке, но Изом скрылся. Еще говорят, что его видели среди борбасских пиратов, но...

– Смутные дела творятся в этом королевстве! – напыщенно, но по сути довольно верно, подытожил услышанное Фродо, – Может нам вообще не стоит соваться в Замок?

– Стоит! – негромко ответил я.

– Стоит!! – угрожающе прорычал тролль.

– Стоит!!! – сверкнула зелеными глазами Эльнорда, – Я хочу увидеть эту харю!

Несколько секунд над нашей шагающей чуть ли не в ногу четверкой висело напряженное молчание, а потом позади нас раздался неуверенный голос нашего поотставшего проводника:

– Чью... харю... вы хотите увидеть?

– Да этого камер-негодяя, Юрги из Сотдана.

– А-а-а, – в голосе Агрота послышалось облегчение, – А то уж я подумал...

– Слушай, Агрот, – перебил его Фродо, – Может тебе с нами не ходить? Мы теперь свободно сами доберемся. А то, как бы ты в неприятности не вляпался, если тебя вместе с нами увидят!

– Не, – сразу отозвался бывший придворный чародей, – Жизни меня не лишат, дальше дуба не сошлют, а пропустить такое зрелище, как вход в Замок Братства Конца... Да это ж событие всей моей жизни!

А Замок был совсем рядом. Уже можно было различить отдельные камни в его серых стенах, выраставших из цветущей воды рва, и королевские штандарты, реявшие над угловыми башнями. Уже видны были между зубцами стен шлемы и шляпы дежуривших гвардейцев.

Наконец, мы вышли на дорогу, ведущую к подъемному мосту и главным воротам Замка. Нам оставалось пройти не более полусотни шагов, как вдруг в воротном проеме, перегораживая въезд, рухнула кованая решетка, а следом за этим начал подниматься мост.

Когда мы подошли к замковому рву, Замок был полностью готов к обороне. За зубцами воротной башни прятались изготовившиеся к стрельбе лучники, через амбразуры на нас пялились красные физиономии стражников, а на флагштоке башни взвился вымпел, а во дворе Замка долго пропела труба.

– Кажется нас здесь уже ждали, и основательно подготовились к встрече, – угрюмо проговорил тролль.

Я задрал голову и, увидев между зубцов офицерский плюмаж, заорал:

– Эй, начальник, там что, показалась на горизонте неприятельская армия?! К чему такие спешные оборонительные приготовления?!

В ответ со стены донеслось:

– Вы кто такие?!

– Мы – Братство Конца. Вот решили навестить королеву!

– Никакого Братства Конца нет! Это все выдумки врагов короны! Назовите себя, или я немедленно прикажу стрелять!

– Ты сначала посмотри, как следует, в кого стрелять собираешься, петух ошипанный, – я бросил взгляд на своих друзей. Они меня правильно поняли – на груди у каждого уже переливались золотом и брильянтами знаки «Опора трона». Я тут же достал свой и тоже прицепил над карманом куртки. Снова задрал голову, я заорал:

– Ты что же это, хочешь уничтожить всю опору трона?!

Несмотря на то, что офицерик располагался довольно высоко, я отчетливо разглядел, как у него отвалилась нижняя челюсть, и через мгновение его плюмаж исчез со стены.

– Побежал до начальства, – прокомментировал поведение плюмажа Фродо, – Щас нам мостик спустят...

– Ага, разбежался, – усмехнулась Эльнорда, – Не для того его поднимали, чтобы при виде наших цапок опустить. Нет, я думаю, нас к Кине не пустят!

– Как это не пустят, – обиделся хоббит, – Ты ж – это... единственная подруга королевы, да и я не последний человек при дворе... с правом решающего голоса...

– Был! – отрезала эльфийка, – Да весь вышел! Нет тебя, согласно королевского указа!
– Указом, даже королевским, нельзя уничтожить живое существо! – гордо выпятил грудь Фродо.

– Да?! – Эльнорда ехидно улыбнулась, – Это кто же тебе такое сказал?!

– Кончайте спорить, ребята, – проворчал Душегуб, – Лучше давайте решим, что будем делать, если нас добром в Замок не пустят?

– А что ты предлагаешь? – поинтересовалась Эльнорда.

– Я предлагаю взять его штурмом... – спокойно, словно это само собой разумелось, ответил тролль.

– Вот это да! – пораженно выдохнул позади нас, совсем нами забытый бывший придворный маг.

Я мгновенно обернулся:

– Ты еще здесь? Напрасно! Смотри, попадешь в несуществующую компанию.

– Не, я еще немного посмотрю и пойду к служебному входу...

– К какому входу?! – насторожился я.

– К служебному, – довольно пояснил Агрот, – В восточной стене, – он махнул рукой вправо, – Есть специальный вход для слуг, для крестьян... ну и для прочих. Я когда в Замок возвращаюсь... на побывку, хожу через тот вход.

– И что, там есть мост?

– Есть. Узенький такой мостик для пешеходов. Он не поднимается, просто когда надо его быстро ломают. А входная дверь там сделана из каменного блока – прям стена стеной.

– Знаешь что, – чуть нахмурившись и придав себе весьма озабоченный вид начал я, – Шагай-ка ты к своему служебному входу прямо сейчас. Я думаю через несколько минут на стену вылезет кто-нибудь из местного руководства, и если оно увидит тебя с нами, у тебя будут серьезные неприятности.

– Да?

В глазах Агрота появилось беспокойство. Я только молча кивнул головой, но выражение моего лица стало еще более озабоченным.

– Тогда я пошел... – быстро пробормотал королевский загонщик.

Он не пошел, он бросился бегом вдоль рва по направлению к правой угловой башне. Я смотрел, как он удаляется и испытывал внутреннее удовлетворение. Мне действительно не хотелось втравливать этого несчастного мага в неприятности.

В этот момент со стены донесся голос нового персонажа. Голос был глубоким, бархатым, низким, чарующим. И в тоже время странно бездушным, безразличным:

– Ну, кто там пытается потревожить покой королевской резиденции? Что вам надо... страннички?!

– Нам надо встретиться с королевой Киной... – простодушно проверещал Фродо.

Ответом ему стал глубокий радостный смех.

Я поднял голову и активизировал Истинное Зрение. Верхние зубцы башни буквально прыгнули мне в лицо. Между зубцов высилась дородная фигура в роскошном, усыпанном драгоценными камнями камзоле, при шпаге с золотым эфесом, в роскошной шляпе с бриллиантовым аграфом. Физиономия под шляпой соответствовала фигуре – толстощекая, с бледно-голубыми навывкате глазами, крупным, очень крупным, мясистым носом с элегантной бородавкой на левой ноздре. Кроме того эту впечатляющую рожу украшали узенькие смазанные чем-то масляным усики и едва начертанная эспаньолка.

И вот эта масляная харя довольно смеялась прямо мне в лицо. То есть она, конечно, не знала, что смеется в чье-то лицо, но мне от этого было не менее неприятно! А потому я чисто интуитивно схамил:

– Эй, ты, рожа в шляпе, будешь долго смеяться – на второй ноздре бородавка выскочит! Давай, сей секунд беги к Кине с докладом, что у ворот ее Замка стоит Гэндальф Серый Конец и все его Братство, или хочешь иметь дело с этим самым Гэндальфом!

Однако моя эскапада не возымела желанного действия. Рожа, правда, побагровела, но ответила с полным достоинством:

– Кто Гэндальф? Ты Гэндальф? Да ты посмотри на себя! Какой из тебя Гэндальф? Ты хоть представляешь себе, кто такой Гэндальф?! И ты считаешь, что хоть сколько похож на этого мощного старика с роскошной белой бородой! Тогда ответь мне, где твой волшебный посох? Где твоя уникальная шляпа? Где твой незабываемый плащ?..

– Тебя предупреждали!.. – коротко прошипела Эльнорда. А морда на башне после короткой, но эффектной паузы продолжила:

– Что, нечего ответить?! То-то же! Ты не Гэндальф, ты даже не чародей, ты самозванец, ты шут, вырядившийся в странную, смешную одежду!..

И вдруг этот расфранченный вельможа повернулся в сторону внутреннего двора Замка и заорал: – Эй, Твист, тут конкурент тебе нашелся! Претендует на звание шута королевы Кины!

Он снова повернулся в мою сторону и рассмеялся:

– Хочешь я походатайствую перед королевой и ты получишь соответствующий указ?!

– А-а-а, так ты, значит, и есть тот самый Юрга из Сотдана?!

– Да! – с превеликим достоинством ответил франт, – Я – Юрга из Сотдана, главный советник королевы!

– Так когда мне подойти за указом?!

– За каким указом? – удивился Юрга.

– За указом о моем назначении на должность шута?! Ведь ты держишь свое слово?

Он снова весело рассмеялся:

– Приходи завтра утром к воротам. Один. Будет тебе указ!

В этот момент в соседнем проеме между зубцами показалась до боли знакомая пестрая фигура увенчанная головой, посверкивавшей лысиной, толстой лупой на шнурке и напояженной рыжей бородашкой. И тут же раздался родимый фальцет Твиста:

– Кто тут хочет занять мое место?! Покажите мне этого наглеца!

Появление Твиста на стене произвело на Братство Конца самое поразительное действие. Все заорали:

– Твист, пройдоха, как твои козлы?! – вопил приплясывая на месте Фродо.

– Эй, шут, ты уже женился или все еще подыскиваешь себе подругу?! – кричала Эльнорда своим музыкальнейшим голосом.

– Твистюга коротконогая, спускайся сюда, я цепочку припас карликов жарить! – восторженно ревел тролль.

Затем последовали другие вопросы и предложения, выкрикиваемые разом в три глотки.

У бедного Твиста, совсем не ожидавшего таких приветствий вывалился из глаза монокль и отвисла челюсть. Он отшатнулся от проема и спрятался за зубец стены. Только тогда моя команда несколько остыла и начала сконфуженно переглядываться. И тогда крикнул я:

– Твист! Я вернулся выполнить свое обещание!

В ту же секунду карлик вновь вынырнул из-за зубца, светясь лысиной и моноклем, и, чуть не свалившись со стены каркнул:

– Какое?!

– Которое дал тебе прошлым летом! Поискать твою родню!

– Нет!!! – икнул в ответ Твист.

– Да! – крикнул я.

– Нет! – продолжал упрямиться Твист, – Это не ты! Ты не Гэндальф!

– Ну, хорошо, – легко согласился я, – Я – не Гэндальф. Хотя ты наверняка знаешь, что личина старика не была моим настоящим лицом. Но ребят-то ты узнал?!

Карлик мотнул головой, и его лупа снова вывалилась из глазницы и заболталась на шнуре.

И тут в нашу милую беседу, грозившую плавно перейти в вечер воспоминаний, прервал надменный голос королевского советника:

– Стража, уберите шута со стены! А вы, оборванцы, шагайте отсюда! Иначе я дам приказ поторопить вас арбалетными стрелами!

Твист действительно тут же исчез из поля нашего зрения и моим друзьям сразу стало скучно.

– До завтра, до утра, советник! – крикнул я и повернулся к ребятам, – Пошли отсюда...

– Куда, – ворчливо поинтересовался Душегуб.

– А вон, в степь, ночлег готовить, – с улыбкой ответил я и зашагал с дороги на покрытую травой землю.

Мы отошли от стен Замка примерно на километр и развели костер. Зеленое солнце катилось к обреза оранжевых небес, кончался первый день нашего пребывания в чужом Мире. Кончался, надо признать, совсем не так, как мы рассчитывали, нарушая все наши планы и развеивая наши надежды. Пока Эльнорда и Фродо суетились возле костра, мудрая с ужином, я присел в сторонке на траву, чтобы подумать над сложившейся ситуацией. Но ко мне тут же подсел неразговорчивый тролль и негромко буркнул:

– Надо было мне этого советчика со стены ссадить...

– Как ссадить?.. – не понял я.

– Просто, – подал плечами тролль, – Швырнул бы палицу ему в лоб, и все дела...

– И что, попал бы?.. – чуть усмехнувшись, спросил я.

– Просто... – повторил Душегуб, и по его тону я понял, что он абсолютно уверен в своем мастерстве метателя палиц.

– К сожалению, это нам ничего бы не дало... – вздохнул я.

– Почему?.. – невозмутимо поинтересовался тролль.

– Ну убил бы ты этого прохвоста, и кто бы с нами стал после этого разговаривать?! Тогда мы точно до Кины не добрались бы... Если бы вообще целы остались.

– А что же теперь делать? – спросил Душегуб и впервые я почувствовал в его голосе некоторую неуверенность.

– Ты помнишь, зачем мы сюда заявились?

Тролль кивнул:

– Пока помню...

– Завтра я получу королевский фирман, и мы пойдем искать Брошенную башню. Если я правильно помню, именно туда зашвырнула Кина Седого Варвара, после того, как пришла в себя... Сначала надо сделать дело, потом будем разбираться с прочими... обстоятельствами.

– Значит, на сегодня – ужин и спать... – недовольно констатировал Душегуб, опустив голову и уставившись взглядом в землю.

– Вы – да. А я думаю наведаться в Замок, посмотреть, как там поживает моя королева... Удостовериться, что ее проблемы могут подождать... Да и поговорить кое с кем не помешает...

– Я с тобой, – тут же вскинулся тролль.

– Нет, – я покачал головой, – спрятать мне тебя будет, пожалуй не под силу. Так что ты останешься дежурить в первую смену, и как только ребята уснут, я уйду. Я не хочу, чтобы они знали о моей вылазке, тоже захотят со мной идти.

Троль посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, а потом согласно мотнул головой.

Мы, не сговариваясь поднялись с земли и направились к костру, разгоравшемуся в яркое пляшущее чудо на фоне сгущающихся сумерек.

Нехитрый ужин был готов. Эльнорда разлила по кружкам свежесваренный чай, и мы принялись за еду. Мы не разговаривали, словно и обсуждать-то было нечего. После ужина я вызвался мыть посуду, но эльфийка покачала головой:

– Мыть-то особо нечего. Да и воды осталось только на утренний чай.

– Тогда давайте ложиться спать, – с улыбкой предложил я, – Кто будет первым дежурить?

– Я, – буркнул троль не допускающим возражений тоном. А с ним никто и не соби-
рался спорить. Эльнорда достала из своего мешка плед и завернувшись в него, уставилась широко открытыми глазами на загорающиеся в потемневшем небе звезды. Фродо присел рядом с ней и замурлыкал какую-то песенку. Душегуб отошел от костра и принялся ходить вокруг нашего лагеря по кругу. Когда он сделал десяток кругов, совершенно стемнело и его темно-коричневая фигура совершенно растворилась в окружающем мраке. Фродо прекратил свое мурлыканье и негромко окликнул караульщика:

– Эй, Душегубушка, смотри, вытопчешь травку до землицы, а потом местные науко-
образные примутся гадать откуда в степи появилась проплешина идеально круглой формы. Еще что-нибудь про посадку НЛЮ сочинят.

– Ну и пусть сочиняют, если им больше заняться нечем... – пробурчал троль из тем-
ноты, – Ты лучше спать ложись, а то я тебя следующим сторожить поставлю.

– А я думал, следующим Гэндальф будет, – недовольно пропищал Фродо.

– Заключение сделанное из неправильной посылки... – угрюмо усмехнулся Душегуб, –
Гэндальф будет дежурить последним...

– Почему? – поинтересовался любопытный хоббит.

– Потому что накануне он дежурил первым, – значительно пояснил троль.

Хоббиту нечего было на это возразить, и вопросы у него кончились, поэтому он пова-
лился на бок и затих.

Прошло еще минут тридцать. Вокруг было абсолютно тихо, и только в стороне разда-
валось мерное шарканье троллевых ног.

Я поднялся, с минуту глядел на тлеющие угли прогоревшего костра, а потом молча шагнул в темноту. Через пяток шагов рядом со мной выросла огромная черная тень, и глухой, едва слышный голос проворчал:

– Ты там поаккуратней, особо не нарывайся...

Я кивнул, прекрасно сознавая, что моего кивка никто не увидит.

Идти к Замку было легко. Во-первых, местность здесь была ровная, растительности, кроме травы, никакой, а во-вторых, на всех угловых башнях Замка ярко пылали огром-
ные полотнища пламени. Не знаю, что они там жгли, но зрелище было завораживающим. Отблеск этого пламени отражался на шлемах дежурных гвардейцев так, что их можно было сосчитать, находясь за пару километров от замка. А вот темноту под стенами этот огонь совершенно не рассеивал, так что я свободно прошагал мимо главных ворот к стене, в кото-
рой находился «черный ход».

В этом месте через крепостной ров действительно был перекинут хлипкий мостик, упиравшийся, казалось, в глухую стену. Только вот меня эта глухая стена не ввела бы в заблуждение, даже если бы я не знал о существовании потайной дверцы. И все-таки я не пошел по этому мостику. Спустившись под хлипкий настил, я ступил на тонкие слег, скреп-
лявшие между собой опоры мостика и аккуратно, крадучись, проскользнул по ним к самой стене. Здесь я внимательнейшим образом обследовал каменную дверку и убедился в нали-

чие ожидаемых мною щелей. Кроме того, мне стало ясно, что за дверцей нет стражи, видимо охрана Замка считала эту дверь совершенно неприступной.

Я несколько раз глубоко вздохнул, подготавливая свое тело к трансформации, а потом медленным речитативом проговорил наговор «Плывущего облака». Вообще-то я, как только обнаружил этот наговор, сразу же про себя назвал его феноменом Хоттабыча. Помните, когда Волька ибн Алеша из знаменитой детской сказки открыл найденный им кувшин, оттуда вырвался клуб дыма, уже затем превратившийся в старика Хоттабыча. Так вот, это заклинание как раз позволяло провести такую трансформацию тела.

Едва я закончил читать свое заклинание, как мое брненное тело вместе с одежкой превратилось в легкую струйку дыма. Хорошо, ночь была безветренной, а то еще неизвестно, где бы я оказался в результате своего чародейства. А так я свободно просочился сквозь обнаруженную щель внутрь Замка и тут же снова трансформировался в еще молодого человека, одетого со вкусом и по моде.

Правда, мне тут же пришлось приметить еще один наговор, так называемое заклинание «Неполной вуали». Оно не делало человека совершенно невидимым, а всего лишь отводило глаза всем, кому не следовало этого человека видеть. Зато оно и не требовало особых усилий для его поддержания и ликвидации.

Набросив на себя «Неполную вуаль» и активизировав Истинное Зрение, я двинулся по довольно узкому проходу в толще замковой стены. Буквально через несколько шагов я вновь уперся в каменный блок, служивший дверцей, но на этот раз он от легкого нажима бесшумно повернулся вокруг своей оси, выпуская меня на замковый двор.

Шагнув на брусчатку площади, я сразу же прижался к стене, прячась в ее тени, и внимательно огляделся. Почти прямо против меня стоял главный дворец замка. Я тут же поднял глаза к знакомым окнам на втором этаже. Они светились ровным неярким светом – королева была в своей спальне и еще не спала. Были освещены еще несколько окон, причем четыре в третьем этаже весьма ярко. Если мне не изменяла память это были окна апартаментов бывшего правителя Качея... Где-то он сейчас?

Сам двор был освещен довольно слабо, однако я сразу заметил двух гвардейцев, неподвижно стоявших на часах – один у главного входа во дворец, второй на дорожке, ведущей к королевской библиотеке. Еще по меньшей мере двое стражников располагались у закрытых замковых ворот. В стене около ворот светилось окошко, видимо, дежурка королевской гвардии.

Осмотревшись, я направился вдоль стены в сторону библиотеки и, когда до дежурного гвардейца оставалось шагов пять, спокойно пересек слабо освещенный краешек площади. Как я и ожидал, он не обратил никакого внимания на едва заметную тень, проплывшую мимо его носа. Теперь я прятался под стеной дворца. Однако я не собирался входить в него с парадного входа. Не то чтобы мне этого не хотелось, просто я отчетливо понимал, что сейчас не время для этого. Потому я проскользнул к спускающейся с крыши водосточной трубе и тщательно ощупал каменную стену дворца. Поначалу я намеревался применить заклинание «Ползущей мухи», чтобы подняться по этой стене, но почувствовав под ладонями шероховатый камень с глубокими щелями швов, я решил, что справлюсь своими силами. Засунув свою волшебную палочку за пояс, я ухватился левой рукой за нижний крюк водосточной трубы и потянулся вверх по стене.

Этой ночью мне положительно везло. Первое же окно во втором этаже, до которого я добрался, оказалось приоткрытым. Чуть толкнув скрипнувшую створку, я расширил имевшуюся щель и через мгновение оказался в темной комнате. Не закрывая окна, я метнулся к выходу из комнаты и, чуть нажав, потянул за дверную ручку. Дверь немедленно и беззвучно подалась. Я увидел перед собой слабо освещенный коридор и фигуру дежурного гвардейца, притулившуюся на недалекой лестничной площадке. Где-то рядом должен был находиться

малый зал утренних королевских приемов, соседствовавший с королевской спальней, будуаром и кабинетом, вот туда-то мне и было необходимо попасть.

Еще раз тщательно припомнив расположение окон на фасаде дворца, я выскользнул в коридор и бесшумно направился в сторону приглянувшейся мне двери. Толкнув ее, я проскользнул в открывшуюся темноту.

Да, это был нужный мне зал. Его надраенный паркет слабо светился, отражая просачивающиеся через зашторенные окна блики башенных огней. В глубине зала темнело возвышение, на котором по утрам появлялась королева, выслушивать пожелания доброго утра от своих придворных. Значит с правой стороны за тонкой перегородкой располагались ее спальня и будуар, откуда она выходила, а с левой – ее кабинет, куда она удалялась.

Я тихо приблизился к правой стене и сразу начал нашептывать заклинание «Слепого окна». Как только заклинание было произнесено, на гобелене шпалер, обтягивающих перегородку, появилась едва заметная золотистая искорка, которая тут же шустро побежала по расширяющейся спирали. Тканый рисунок протаивал под этой искоркой словно морозный узор под теплым дыханием, и в темный зал начал просачиваться свет лампы, освещавшей королевский кабинет. Когда «Слепое окно» стало размером со столовое блюдо, я щелкнул пальцами правой руки, и бегущая искра погасла.

Я приник к открывшейся моим глазам картине.

За большим письменным столом, на котором стояла освещавшая кабинет лампа и валялось несколько бумажек, сидела королева. Одета она была в какой-то не слишком чистый халат, из-под которого выглядывало кружево то ли пеньюара, то ли ночной рубашки. Темные короткие волосы были растрепаны, худощавое лицо бледно, вяло, неподвижно, а в опущенных к столу огромных, темных глазах застыла тоска и какая-то непонятная отрешенность. Глядя на нее, возникало впечатление, что эта молодая девушка полностью пресытилась жизнью и ничего интересного для себя уже не ждет. Тонкие бледные руки с длинными пальцами лежали на столешнице неподвижно.

В стоявшем рядом со столом кресле вольготно развалился не кто иной, как сам советник Юрга. Именно в таком удобном положении, одетый в какой-то весьма свободный шлафрок, он докладывал королеве о событиях сегодняшнего дня:

– ... и вообще, моя королева, этот новый посол еще грязнее и нахальнее прежнего! Ты заметила, как от него пахнет? А в каком халате он приперся на королевскую аудиенцию?..

– Халат?.. – Кина с усилием оторвала взгляд от столешницы и посмотрела на своего советника. По ее виду было ясно, что она почти не вникает в смысл его слов.

– Да, халат! – энергично кивнул головой Юрга, – Где он только отыскал эту рвань расшитую золотом?! И вообще, моя королева, эти кочевники совершенно распустились! Надо сказать, что политика так называемой дружбы, которую проводил твой бывший воевода, окончательно развратила наших степных соседей и уронила престиж твоего королевства! Я думаю, пришла пора показать им их истинное место!..

Юрга энергично попытлся. В отличие от королевы, он был очень энергичен, я бы сказал, подозрительно энергичен. Советник помассировал себе виски и продолжил вечерний доклад:

– Моя королева, область предгорий снова задержала выплату налогов. У меня есть сведения, что твой бывший воевода подзуживает население области вообще не платить их. Он заявляет, что я, твой личный советник, все равно их прикарманю! Давно пора, моя королева, заткнуть его старую пасть, он постоянно дискредитирует власть!

И Юрга снова попытлся, теперь уже от возмущения.

А Кина продолжала безучастно сидеть за столом. Ее взгляд снова уперся в столешницу, но губы шевелились, как будто она что-то беззвучно напевала.

Советник бросил на нее пыливый взгляд и, будто бы уловив королевское настроение бодренько рассмеялся:

– Да, моя королева, представь себе, сегодня под стены замка заявился один молодой нахал и потребовал пропустить его к тебе! Он заявил, что его зовут Гэндальф Серый Конец! Но ты бы видела во что он вырядился!

Кина подняла на советника глаза и в них мелькнула некоторая заинтересованность.

– На нем были надеты голубые непотребно узкие штаны, такого же цвета курточка, под курткой – белая рубашка без воротника, застежек и обшлагов, а на ногах белые с синим туфли! И вот это чучело утверждало, что является чародеем!

– Надо же, – отрешенно проговорила Кина, – Вчера утром я видела Гэндальфа именно в таком одеянии... И без бороды... и без шляпы...

– Ты видела?! – буквально взвился Юрга, – Где?!

– Во сне... – с чуть заметной, отрешенной улыбкой ответила Кина.

– Да? – несколько успокоился Юрга, – И что, вы говорили?..

– Не помню... – глаза у Кины снова погасли, а губы, словно сами по себе спросили, – И он был один?

– С ним было еще трое или четверо странных личностей, – небрежно махнул рукой Юрга, не обращая внимания на то, что королева прошептала: – Надо же...

– Но самым интересным, моя королева, было продолжение нашего разговора, – оживленно продолжил совершенно успокоенный советник, – Я, конечно, выразил свое сомнение в его магических способностях, и назвал его шутот! Так представь себе, моя королева, он буквально ухватился за возможность получить звание твоего шута! Я вынужден был подготовить соответствующий указ, вот изволь подписать!..

Юрга выхватил из рукава свернутый в трубочку лист и, отогнув его нижнюю часть, буквально подsunул его королеве под руку. Кина, словно механическая кукла взяла лежащее на столе перо, макнула его в чернильницу и поставила на листе свой росчерк. Советник удовлетворенно его рассмотрел, подул на лист и довольно улыбнулся.

– Вот, пожалуй и все, моя королева, – пропел советник, засовывая свернутый указ в рукав, – Мелочами я тебе утруждать не буду...

После этой, казалось бы, самой обычной фразы, Кина резко подняла голову и встала из-за стола.

– Да, советник, я, пожалуй, пойду в постель... Я мелочами разберись сам.

– Я разберусь, моя королева, – ответил Юрга и тут же добавил, – Сорта придет к тебе почитать на ночь...

Кина непонятно отчего вздрогнула и неуверенно прошептала:

– Не надо...

– Ну что ты, моя королева, обязательно надо! А то твоя тоска вернется и снова станет тебя донимать!

На это королева ничего не ответила. Она подняла свою тонкую руку, запахнула на груди халатик и, зажав его лацканы в ладони, направилась к выходу из кабинета.

А Юрга, как ни в чем не бывало, продолжал, развалясь, сидеть в кресле!

Я не мог поверить своим глазам! Кина, природная королева, не обращала внимания на то, что ее слуга не встал, когда она была на ногах! Это было нечто совершенно невероятное!

Кина, между тем, не обращая внимания на сидящего советника, подошла к выходу, толкнула дверь, и вышла... в темный зал утренних приемов. Светлым призраком в сразу сгустившемся полумраке она проплыла через зал и бесшумно исчезла за дверью своей спальни.

Я не отрывал от ее фигуры взгляда, и даже когда она уже покинула зал, продолжал смотреть на закрывшуюся за ней дверь, и вдруг из кабинета донесся довольный смешок Юрги:

– Почивай, моя королева, почивай,.. но перед этим послушай свою страшилку...

Он наконец встал с кресла и смачно потянулся:

– А мы поднимемся к себе... Уже пора!..

Тон, каким была сказана эта незамысловатая фраза, настолько меня заинтересовал, что я тоже решил подняться к советнику.

Юрга не стал выходить из королевского кабинета. Вместо этого он подошел к шпалере, изображающей охотничью сцену и отведя вниз нижнюю планку окантовки, другой рукой нажал на верхний угол картины. Она бесшумно развернулась, открывая узкий ход на голую лестничную площадку. Советник оглянулся, словно проверяя не забыл ли он чего в кабинете, и протиснулся в потайной ход.

Но прежде чем шпалера вернулась на свое место, я успел прямо сквозь «Слепое окно» метнуть в советника кнопку-следок и убедиться, что она благополучно приклеилась к его роскошному шлафроку. Сделал я это совершенно интуитивно, но когда шпалера повернулась, скрывая потайной ход, мне в голову пришла мысль о том, что стоит так же воспользоваться этим ходом. Он скорее приведет меня к советнику, так как след от кнопки мне будет отлично виден.

Поэтому я быстро прошел в кабинет и, не обращая внимания на свет лампы, приблизился к хитрой шпалере. За ней явственно слышались шаги. Я подождал когда они стихли, а затем в свою очередь проделал виденные мной манипуляции. Шпалера послушно развернулась, приглашая меня пройти, и я воспользовался этим приглашением.

Оказавшись на потайной лестничной площадке, я вернул шпалеру на место, и ее фиксатор с тихим щелчком защелкнулся. Узкие лестничные марши вели с этой площадки вниз и вверх, но кнопка, оказавшаяся оранжевой, оставила яркую, но видимую, естественно, только мне, ниточку, и ниточка эта вела вверх. Я пошагал следом за своим проводничком и уже через несколько ступеней оказался на следующей площадке. Здесь выход с потайной лестницы отгораживался даже не деревянной панелью, обтянутой шпалерой, а простой рамой, на которую был натянут гобелен. Я сразу понял, как открывается этот проход, но вместо того, чтобы соваться в неизвестное помещение, положил левую руку на навершье своего жезла, по-прежнему торчавшего за поясом, сосредоточился и правой ладонью провел по натянутой на раму ворсистой ткани. Гобелен под моей рукой мгновенно стал прозрачным, так что я спокойно мог понаблюдать, чем это там занимается господин самый умный советник в своих покоях.

А занимался он весьма интересным делом. Юрга сидел за... гримировальным столиком и... снимал грим! И сидел он так удачно, что мне отлично было видно и само зеркало и физиономия, которую с помощью этого зеркала обрабатывали.

Когда я приступил к просмотру, советник как раз снимал вторую бровь, оказалось, что собственных бровей у него нет. Надбровные дуги есть, а вот бровей у этой рожи предусмотрено не было. Следом за бровями последовала роскошная прическа, перекочевавшая с головы советника на деревянную болванку, появившуюся из-под столика. После этого из крупного, породистого носа были извлечены две весьма немаленькие подкладки, в результате чего на лице советника появился тонкий крючковатый клюв, а его бородавка приобрела просто чудовищные размеры. То что осталось от советника Юрги с удовлетворением оглядело себя в зеркале. А в следующее мгновение сей замечательный актер и гример ласково провел ладонями по своему лысому черепу от макушки до шеи и... бросил на столик... уши. Нет, на черепе ушки тоже остались, только они были, я бы сказал, катастрофически малы!

Теперь передо мной предстала настолько отвратительная рожа, что желание все бросить ради спасения Кины разгорелось во мне с невероятной силой.

Однако, представление, как оказалось, только началось.

Юрга еще раз с весьма довольным видом оглядел себя в зеркале, ощупал голову и личико своими толстыми, сильными пальцами, а затем встал с кресла и направился к одному из секретеров, стоящих у стены. Подойдя к выбранному предмету мебели, советник положил левую ладонь на бронзовую ручку и... принялся озиаться. Комната была в общем-то, невелика, но он оглядывал ее так, словно в ней могло прятаться по меньшей мере шестеро агентов иностранных разведок. Закончив, наконец, пятиминутную инспекцию своего обиталища, советник глубоко вздохнул и правой рукой полез запазуху. Пошебуршав в сем интимном месте ладошкой, он вытащил на свет божий золоченый стерженек, которым отпер дверцу секретера.

Я не успел рассмотреть содержимое ящика, заметил только, что он заставлен разнокалиберными и разноцветными пузырьками. Юрга с необычайным проворством выудил из секретера маленький темно-синий флакон и довольно несвежую тряпицу, и тут же снова запер ящик.

Со своей добычей советник вернулся к гримировальному столику и положил ее на столешницу. Потом он уселся в кресло закрыл глаза и откинулся на спинку.

В таком положении отдохновения Юрга пребывал минут десять. Я уже решил, что он заснул, однако, в этот момент, он выпрямился и довольно громко сказал: – Пора...

Взяв флакончик, он очень аккуратно открыл его и выпустил на подставленный лоскут большую маслянистую каплю. Затем снова аккуратно закрыл флакон и принялся втирать полученную жидкость в стекло зеркала. Делал он это весьма методично, стараясь покрыть жидкостью всю поверхность зеркала. Закончив втирание, он отложил тряпицу и уставился на свое отражение.

Минуты три ничего не происходило, и я уже подумал, что мой подопечный немного не в себе, как вдруг изображение в зеркале разжало губы и хрипловато произнесло:

– Докладывай!..

– Повелитель, все идет по разработанному тобой плану, – тут же начал громко шептать советник, – Война со Степью может быть начата, как ты и предполагал, через пятнадцать дней. На передний рубеж выведены гвардейские полки Барса, Беркута и Рыси, именно те отборные части, которые подлежат уничтожению в первую очередь...

– Ты уверен, что боевые действия начнутся вовремя? – перебил докладчика «повелитель» из зеркала.

– Повелитель, я с трудом удерживаю посла степного императора от того чтобы он не объявил Кине войну завтра! – воскликнул советник, – Вчера утром королева в его присутствии объявила, что все степняки воняют, и вообще они грязные дикари!

– Вот как? – не меняя своего выражения, спросило личико в зеркале, но в самом голосе чувствовалось удовлетворение.

– Да, повелитель, Сорга знает какие страшилки читать королеве на ночь... – подобострастно захихикал Юрга.

– Дальше!.. – оборвало его смех отражение.

– В войсках практически не осталось дельных и опытных военачальников, – сразу поделовевшим тоном продолжил советник, – В течение последнего месяца следом за Шалаем в отставку ушли воеводы правой и левой руки, главный интендант, начальник корпуса стратегических разработок и его заместитель, шесть полковых командиров. На их места рекомендованы мной и поставлены королевой сынки придворных вельмож, все молодые люди, но с нездоровым апломбом. В высшем командном составе за последний месяц было шесть дуэлей, четыре со смертельным исходом.

– Финансы?.. – вновь перебила докладчика харя в зеркале.

– Королевская казна практически пуста, мой повелитель! – сразу же сменил тему советник, – Четыре области не выплатили положенных налогов, а траты на королевскую охоту

превзошли, и намного, запланированные. Кроме того пенсии, назначенные королевским пенсионерам, съедают всю появляющуюся наличность, ее даже не хватает...

– Когда эти четыре области могут рассчитаться с короной? – прохрипел «повелитель».

– Повелитель!.. – несколько обиженно воскликнул Юрга, – Эти области заявляют, что они уже отправили все, что положено короне и не имеют возможности вносить налоги еще раз!.. Это королева думает, что они еще не платили...

– Хорошо! – констатировала голова в зеркале, – Что еще?

– Больше ничего серьезного, повелитель, правда, – советник слегка замялся, словно раздумывая, стоит ли упоминать о такой мелочи.

– Говори, – подстегнул его «повелитель» и Юрга сразу заторопился:

– Сегодня днем к стенам Замка подошли четверо. Один из них потребовал встречи с королевой и назвал себя Гэндальфом Серым Концом...

– Как он выглядел? – перебил его нетерпеливый собеседник.

– Мальчишка, щенок, наглец и фигляр, вырядившийся в какой-то немыслимый голубой костюм и дурацкие разноцветные туфли!

– Остальные трое?

– Остальные трое вроде бы подпадают под данное тобой описание: один здоровенный громила с чудовищной дубиной в лапах, второй – малыш весь мохнатый и босой, и с ними девочка в зеленом со шпагой и луком. С ними был еще один оборвыш, но я его не успел разглядеть, он куда-то пропал.

– Как это пропал?

– Повелитель, стража доложила мне, что их было пятеро, но когда я вышел на стену его уже нигде не было...

Советник немного подождал и уловив, что суровый его собеседник на этот раз не собирается его перебивать, продолжил:

– Ты же знаешь, повелитель, что этих гэндальфов появляется штук по пять каждый месяц, и я не стал бы тревожить твой слух сообщением о еще одном, но, во-первых, их все-таки было четверо, а во-вторых, Твист утверждает, что этот мальчишка знает кое-что, известное только ему и настоящему Гэндальфу...

– Вот как? А при чем тут Твист?..

Советник снова замялся и начал отвечать очень неуверенно:

– Понимаешь, повелитель, я не удержался и высмеял шутовской вид этого соискателя имени Гэндальфа. Я даже предложил ему должность королевского шута и позвал Твиста, чтобы тот посмотрел на своего возможного конкурента. А когда Твист появился на стене, эти бродяги начали приветствовать его, как старого знакомого. Правда, я почти ничего не понял из этих приветствий, но вот этот мальчишка в голубой одежке сказал, что вернулся чтобы выполнить обещание, якобы, данное Твисту.

– Какое обещание?

– ...Найти его родителей...

После этого в разговоре наступило довольно долгое молчание, а затем зазеркальный повелитель» неожиданно начал рассуждать вслух:

– Я не мог пропустить появление настоящего Гэндальфа в нашем Мире, я бы сразу почувствовал прокол между мирами... Тем более прокол для четырех тел в физической оболочке... И все-таки... странно... Хотя вполне возможно, что Твист просто проболтался кому-нибудь об этом обещании Серого Конца...

Отражение советника рассуждало само с собой совершенно лишенным эмоций тоном и при этом пялилось в лицо своему оригиналу, поэтому последовавший вопрос прозвучал совершенно неожиданно:

А как он отнесся к твоему предложению?

Советник не сразу понял, что обращаются к нему. Он вздрогнул и после легкой паузы переспросил:

– К какому предложению, повелитель?

– Ну, к твоему предложению назначить его королевским шутом! – с немалым раздражением пояснил «повелитель».

– Он мгновенно и с радостью согласился! Обещал завтра утром прийти за указом.

– Напишешь ему указ, примешь в штат, но к королеве ни в коем случае не допускать. самого этого... шута и его компанию держать на глазах и следить за каждым их шагом!.. А там видно будет...

– Понял, повелитель, – кивнул в зеркало советник и не удержался, чтобы не похвалиться, – А указ королевой уже подписан...

– Кстати, как королева? – тут же последовал новый вопрос.

– Королева прекрасно управляема. Сорта хорошо знает что и как читать, и это ежевечернее чтение очень неплохо выполняет свою задачу. Но если бы, повелитель, ты разрешил мне хоть немного воспользоваться магией...

– Тебя тут же вышибли бы из Замка! – оборвал докладчика хозяин, – Я уже тебе говорил – никакой, абсолютно никакой магии! Кина сама могучий маг, и сразу же почувствует присутствие в Замке чужой силы. Более того, она сразу же определит источник этой силы. Мне наплевать, что ты вылетишь из Замка, или тебе вообще свернут шею, но ты поставишь под удар выполнение моего плана!

– Повелитель, но разве эти твои ежевечерние чтения не есть магия?..

– Дурак, – констатировала голова в зеркале, – Несмотря на всю твою хитрость и изворотливость, ты дурак... Только, я надеюсь, не настолько, чтобы игнорировать мои приказы...

Последняя фраза была сказана все тем же невозмутимым тоном, но, тем не менее, в ней прозвучала такая угроза, что сидящий перед зеркалом советник явственно задрожал, а у меня самого вдоль позвоночника пробежала холодная шершавая волна.

– До следующей встречи... – прохрипело зеркало и добавило, – И смотри у меня!..

Еще пару минут советник неподвижно таращился на свое изображение, а то в свою очередь таращилось на него. Затем Юрга чуть повернул голову влево, и его изображение послушно повторило это движение, после чего советник с тяжелым усталым вздохом отвалился к спинке кресла.

Впрочем, просидел в кресле советник недолго, еще раз вздохнув, он выбрался из него и тяжелым, шаркающим шагом направился к дверям, ведущим в соседнюю комнату, приговаривая себе под нос:

– Спать... теперь спать... ты, дорогуша, заслужил восемь часов беспробудного сна...

Однако, прежде чем он добрался до дверей в спальню, на его глаза попался небольшой письменный стол, заваленный бумагами. Советник остановился около него и постоял несколько секунд, словно что-то припоминая, а затем достал из рукава своего шлафрока свернутый в трубочку указ и бросил его в общую кучу:

– До завтра... все подождет до завтра... – пробормотал он и снова направился к дверям в спальню.

Когда дверь за ним закрылась, я поднял правую руку на уровень плеча и сосредоточился. Бумажная трубочка, лежавшая поверх груды документов зашевелилась и поползла в мою сторону, постепенно ускоряя свое движение. Разогнавшись по столешнице, она вспорхнула в воздух и перелетев комнату оказалась в моей руке. Я аккуратно развернул ее и прочитал:

КОРОЛЕВСКИЙ УКАЗ

Я, наследственная королева КИНА ЗОЛОТАЯ, сим повелеваю осчастливить молодого человека, называющего себя Гэндальф Серый Конец званием личного шута королевы.

Всем подданным моего королевства надлежит под страхом моего гнева оказывать моему шуту всемерную поддержку в его шутках, представлениях, розыгрышах, и других увеселениях.

Моему шуту повелевается всегда быть одетым в голубые штаны, голубую куртку и бело-голубые туфли.

Ему также присваивается придворный штандарт – на бело-голубом поле две скрещенные погребушки.

Внизу стоял вялый росчерк «Кина», приклепнутый здоровенной печатью золотого цвета.

«Вот и ксива у меня завелась» – невесело подумал я, сворачивая сей документ и засовывая его в один из своих многочисленных карманов.

Теперь можно было навестить и королеву, осчастливившую меня еще одной должностью.

Я уж было развернулся в сторону темной лесенки, как вдруг вспомнил о том переходе, с помощью которого небезызвестный правитель Качей в свое время проник в спальню Кины. Осторожно повернув раму с натянутым на нее гобеленом, я убедился, что из спальни советника доносятся звуки, характеризующие крепкий сон человека с чистой совестью, и бесшумно пересек кабинет. На противоположной стене я обнаружил знакомый гобелен с изображением двух пастушек, развлекающихся в обществе трех пастушков. Мое истинное зрение немедленно показало, что магический переход все еще действует. Не раздумывая, я шагнул в гобелен... и оказался в темном углу королевской спальни за тяжелыми парчовыми портьерами.

– ...А если приснится знаком-незнаком,
И будет смущать тебя жестом и словом,
Ты помни, что есть и для власти закон,
Что все в сем ветшающем мире не ново.
Что в нем и тебе есть наставник и князь,
Он будет судить твою мысль и желанье,
Когда королям незнакомо страданье,
Они под копытом грядущего грязь,
Но если тебе боль чужая чужда,
Ты трупы способна спокойно узреть,
Погибнуть, восстать и опять умереть...

Это странное, монотонное, в рифму бормотание, полностью лишенное хоть какого-то смысла, доносилось из-за портьеры. Глухой женский голос успокаивал, убаюкивал, укачивал, и в тоже время, словно мерными, точно рассчитанными ударами вгонял в мозг какую-то виноватую мысль, какое-то необъяснимое покаяние, какое-то раскаяние в еще несовершенном, но неотвратимо грядущем преступлении.

Я осторожно выглянул из-за портьеры.

Кина лежала в постели на высоко взбитых подушках. Я сразу же подумал, что спать в таком положении должно быть крайне неудобным. Однако, я тут же понял, что королева еще бодрствует, вернее находится в некоем странном состоянии между бодрствованием и сном. Ее веки были опущены, но из-под них проблескивали белки глаз или, может быть, след

слезы. Прямо напротив ее изголовья стоял длинный узкий стол, над которым склонилась темная, тонкая женская фигура. Перед женщиной лежала толстая раскрытая книга, и из нее эта милая чтица черпала свои поэтические перлы.

Спальня тонула в полумраке, поскольку освещалась всего двумя свечами, стоящими в низеньких подсвечниках по обоим концам стола. Лепестки пламени, ровно возвышающиеся над этими свечами были поразительно длинными и, в то же время светили вроде бы только для самих себя – свет от них не рассеивался по комнате, а концентрировался вокруг язычков огня. А в следующее мгновение я заметил еще одну особенность пламени этих свечей: два длинных, ярких лепестка колыхались из стороны в сторону в такт произносимым чтицей словам, словно кивали направо-налево, направо-налево, направо...

«Господи!..» – изумленно подумал я, – «Это же самый натуральный гипноз!..»

«И никакой магии...» – подсказало мне мое сознание голосом зазеркального «повелителя».

Для меня сразу все стало на свои места. «И никакой магии...». Действительно, магией, волшебством, чародейством достать Кину не было никакой возможности, особенно после того, что проделали с ней господа Качей и Седой Варвар, то бишь – Епископ. А против вот такого примитивного гипнотического воздействия у нее не оказалось никакой защиты. И теперь моей королевой вертели, как хотели.

Правда пока что мне не было ясно, кто именно был в этой пантомиме за кукловода! Явно не советник Юрга. Тот и сам во время только что виденного мной сеанса связи был похож на марионетку. Или на зомби с очень ограниченной свободой действия. А вот рожа, командовавшая в зеркале... Я даже не мог предположить, кто бы это мог быть.

Чтица продолжала негромко бубнить свои стихи, но я уже не вслушивался в произносимые ею слова. Теперь мне надо было повидать еще одного человека, и можно было считать мою миссию в Замке завершенной. Но я решил еще и схулиганить.

Проверив, как действует моя «Неполная вуаль» и убедившись, что она в полном порядке, я немного подкрасил ее синькой и выбрался из своего укрытия. Моя, чуть мерцающая синим, тень медленно поплыла наискосок через комнату, и оказавшись в непосредственной близости от постели королевы издала негромкий, но явственный стон. Чтица чуть запнулась, однако, совладала с собой и продолжила свое бормотание, не поднимая головы от книги. Может быть она решила, что стон издала королева?

Я еще качнулся в сторону кровати и оказался у самого угла стола. Здесь я издал более душераздирающий стон, и чтица, наконец, замолчав подняла голову с вполне естественным вопросом:

– Кто здесь?..

Правда, никакого испуга в ее голосе не было. Но на прямой вопрос я уже имел право дать прямой ответ. И потому я громко простонал:

– Я королевский сон...

– Кто?! – прозвучали уже два голоса: весьма изумленный чтицы и слабый, трепещущий – королевы.

– Я вчерашний сон королевы... – со стоном пояснил я, – Я пришел ей сказать, что на ее вопрос, заданный Гэндальфу, тот ответил: – Я уже здесь...

– Здесь?!

Этот вопрос задала королева, и голос ее неожиданно окреп.

– Да, здесь, – бодро подтвердил я, – Но появиться в Замке он не может, пока королева не перестанет томиться и не станет собой...

В этот момент я уловил напряженный взгляд чтицы, пытавшейся за поставленной мной пеленой разглядеть получше явившееся мешать ей привидение.

– Гэндальф здесь... – совсем уже окрепшим голосом пробормотала королева и села в постели. И тут раздался голос темной чтицы:

– Королева, это никакой не сон! Это магическое наваждение! Неужели ты этого не чувствуешь! Это атака врага, пытающегося поколебать твоё спокойствие!

И в тот же момент в меня ударили две молнии – одна оранжевая, вырвавшаяся из правого глаза чтицы, а вторая – голубая, из правой, взметнувшейся вверх ладони королевы.

Я не успел испугаться, обе ярко светящиеся, извивающиеся ленты прошли мое тело и... пропали в нем. Я только почувствовал, как мой левый бок слегка припекло мгновенно нагретым железом. Мне стало отчего-то смешно и я расхохотался, а это получилось весьма кстати. Обе дамы были страшно шокированы поведением призрака, который вместо того, чтобы рассеяться под сокрушительным двойным ударом, глупо захихикал, словно от щекотки. Тут я снял свое синее мерцание и... исчез из поля их зрения.

Я как раз выходил из королевской спальни, когда до моих ушей донесся королевский вопрос:

– Сорта, что это было? Кто мог так глупо хихикать?

Прислушиваться к тому, что ответит королеве чтица я не стал, мне необходимо было застать бодрствующим еще одного из обитателей Замка, а я даже не знал, где мне его разыскивать.

Покинув покои королевы, я остановился в раздумье посреди коридора, но тут мне опять повезло. Прямо на меня с задумчивым, я бы даже сказал, удрученным видом шагал именно тот, кого я собирался разыскивать – мой старый и дорогой знакомец, придворный шут Твист.

Я шагнул в сторону, и Твист прошел мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Поздравив себя с отлично выполненным заклинанием, я снял я себя «Неполную вуаль» и негромко произнес:

– Вот так в величии достигнутой славы забываются старые друзья...

Твист вздрогнул, мгновенно обернулся и, увидев меня, буквально разинул рот. Впрочем долго он его разинутым не держал, буквально в следующее мгновение он метнулся ко мне, схватил меня за руку и куда-то потащил. Мы чуть ли не бегом одолели почти весь коридор, благо на полу лежал толстый ковер, глушивший наш топот, и здесь шут втолкнул меня в одну из комнат, сам влетел следом и мигом захлопнул дверь.

С минуту Твист постоял переводя дух и прислушиваясь к окружающей тишине, а потом повернулся ко мне и шепотом спросил:

– Как тебе удалось проникнуть в Замок? Я сам слышал, как Юрга отдавал распоряжение караульным гвардейцам, никого в Замок не пропускать!

Я удивленно пожал плечами:

– Ну, знаешь... Этому вашему Юрге может быть и простительно, а ты-то должен знать, что никакой караул не помешает Гэндальфу пробраться туда, куда он хочет пробраться...

– Значит ты все-таки действительно Гэндальф?.. – прошептал Твист и в его шепоте недоверие боролось с надеждой.

– Слушай, я понимаю, что моя внешность сильно изменилась... – начал я убеждать шута, – Но можешь мне поверить, что именно сейчас я выгляжу так, как выгляжу на самом деле. Во время моего первого посещения вашего замечательного мира, я просто... ну как тебе объяснить...

– А почему остальные не изменились? – перебил меня Твист.

– Не захотели, – тут же ответил я.

– А ты захотел? – переспросил Твист и на его губах появилась слабая улыбка, – Или не захотел...

– Чего не захотел? – спросил я, чувствуя, что начал краснеть.

– Стариком больше быть не захотел... – улыбка Твиста стала еще шире.

– Ну, видишь, ты и сам все отлично понимаешь, – с облегчением улыбнулся я в ответ.

– Так значит, у вас там именно такие наряды носят... – протянул шут, протянув свою крошечную ручку и потрогав материал рукава моей куртки, – Интересный фасончик. Только цветовая гамма... не того...

– Что есть, – развел я руками.

Твист подобрался, посерьезнел и перевел разговор в другую плоскость:

– Что делать собираетесь?..

– Нам бы получше устроиться, – неуверенно протянул я, – Разговор, возможно долгий будет...

– Пошли... – тут же предложил Твист, но шагнул не в коридор, а в противоположную сторону.

Через небольшую дверь мы прошли в следующую комнату. Здесь Твист зажег лампу, стоящую на столе, и достал из стоящего у стены шкафа бутылку вина, пару бокалов и коробку печенья. Поставив угощение на стол, он уселся в кресло с высоким сиденьем и рукой указал мне на стоящий с другой стороны от стола стул. Я сел. Твист разлил вино, приподнял свой бокал в знак приветствия, посмотрел сквозь него на свет и снова спросил:

– Ну и что вы делать собираетесь?

Я тоже полюбовался рубиновым цветом вина и чуть пригубил содержимое бокала. Затем внимательно посмотрел на Твиста... и только сейчас до конца поверил, что я действительно нахожусь в Замке, что совсем рядом спит в своей постели Кина, что наше Братство Конца снова втягивается в какую-то немыслимую авантюру. Я вздохнул и начал разговор:

– Есть у нас желание навестить нашего старого знакомого...

Твист, вопреки своему темпераменту, не перебивал меня вопросами, терпеливо дожидаясь продолжения. И я продолжил:

– Собираемся мы проследовать к Брошенной Башне и побеседовать с небезызвестным тебе Седым Варваром. К Замку мы пришли, надеясь получить по старой памяти помощь, но судя по состоянию королевы на это рассчитывать не приходится. Так что я решил обратиться к тебе. Подскажи, если знаешь, где может находиться эта Брошенная Башня, и как до нее добраться? Кроме того, я хотел бы навестить Шалаю, но где его искать тоже не знаю...

Я замолчал. Молчал и Твист, ожидая, видимо, не прибавлю ли я чего. Наконец, он покачал головой и заговорил:

– Шалай в изгнании, в своем имении, недалеко от города Норта. Верхом до этого имения двое суток по дороге ведущей в сторону гор, но я не могу поручиться, что вы его там застанете. Он говорит все время в разъездах... сколачивает оппозицию Юрге. Как добраться до Брошенной Башни я не знаю. Говорят она в Покинутых землях, их еще называют ничейными, но это – так, непроверенные слухи. Я даже не знаю, кто может такой информацией владеть... – он чуть помолчал и неожиданно спросил, – А ты не хочешь сначала помочь Кине...

– Очень хочу, – сразу ответил я, – Но не знаю, как это сделать. Видишь ли, этот советник Юрга забрал при королевском дворе очень большую силу. И мне точно известно, что он меня ни за что не допустит к королеве. Ни меня, ни моих друзей... А для того, чтобы вернуть прежнюю Кину нужна долгая и кропотливая работа, нужно постоянно общаться с королевой и... не допускать ее общения с Юргой и...

– Сортой... – закончил за меня Твист.

– Ну вот, ты и сам все знаешь...

– Но может быть ты хотя бы подскажешь, что за колдовство они применяют?! – в отчаянии воскликнул карлик.

– К сожалению, они не применяют никакого колдовства, иначе не было бы ничего проще, чем рассеять их чары. С этим справилась бы и сама королева. Но главное, можешь мне поверить, ваш советник простой исполнитель. Тот кто придумал и проводит эту... кампанию против Кины, находится далеко от Замка. Вот только я не знаю где...

– Значит Кина обречена... – совсем упал духом Твист.

– Совсем нет, – возразил я, – Но для того чтобы помочь ей, мне надо иметь свободу маневра. Так что в Замке мы не останемся, а поедem искать Шалая. А по пути заскочим к Отшельнику Таму, может быть он подскажет, как отыскать эту самую Брошенную Башню?

– Можешь никуда не заскакивать, – неожиданно произнес Твист своим обычным брюзгливо-назидательным тоном, – Нет больше отшельника!

– А что с ним случилось?! – удивился я.

– Ушел Отшельник. И никто не знает куда ушел.

– И почему он ушел?

– Поругался с Киной. Когда она назначила на место камер-советника с правом решающего голоса Юргу из Сотдана, Отшельник Там явился в Замок и заявил королеве, что она делает самую большую глупость в своей жизни. Представляешь, он сказал, что если она не дура, она выгонит этого Юргу из Замка и прикажет гнать его плетью до самого его Сотдана, а затем еще дальше в ничейные земли, из которых он явился! При этом он так орал, что эти его слова слышали все, кто находился в тот день в Замке. Но надо знать Кину! Она визжала еще громче Отшельника, что никому не позволит ей указывать, как управлять королевством! В общем, поговорили они, а через неделю Отшельник ушел из своей Пустоши и больше его никто не видел.

– Вот это новость!.. – я был удивлен и расстроен, – А почему Отшельник упомянул ничейные земли?..

– Так Сотдан стоит как раз на границе ничейных земель.

– Значит Отшельник считал, что Юрга прибыл совсем и не из этого города, а из ничейных земель... – высказал я вслух пришедшую мне в голову мысль.

– Он-то, может, и считал, только никто его не послушал. А теперь...

Карлик не договорил, но тон его был самым что ни на есть пессимистичным.

Мы помолчали, а затем я задал еще один вопрос:

– А может быть, можно как-то с Изом связаться? Может он сможет нам помочь?

Карлик покачал головой:

– Изом исчез... Не знаю, что там у него в графстве произошло, слышал, какие-то неприятности с детьми – с ума они там что ли сходить начали, а только граф взял с собой пару десятков человек и куда-то отправился... В общем, совершенно непонятная история – то ли он ловит кого-то, то ли снова пиратом заделался, никто ничего не знает. Так, сплошные слухи...

– А мне сообщили, что он устроил скандал королеве... В ответ на назначение Юрги...

– Брехня! – уверенно ответил карлик, – Когда королева выбрала Юргу, Изом уже исчез... Вполне допускаю, что версию о скандале с королевой распустили как раз для того, чтобы не дать ему вернуться...

– Да... – протянул я задумчиво, – Какая-то в державе датской гниль...

Твист не удивился незнакомым словам, а лишь горестно покачал головой.

– Не горюй! – улыбнулся я ему, – Мы еще повоюем!

Допив вино, я встал из-за стола:

– Ну что ж, спасибо за помощь, и я пошел...

Карлик поднял на меня глаза:

– Какая от меня помощь... Я даже Кине теперь не нужен... Не до шута ей сейчас...

– А что же она второго назначает, – усмехнулся я.

– Какого, второго? – опешил Твист.

Я молча достал свой фирман и, развернув его, сунул под нос карлику:

– Не справляешься, коллега, придется тебе помочь!

– Так Юрга действительно выдал тебе этот указ?! – еще больше изумился Твист.

– Ну, не совсем выдал – я его сам забрал, но надеюсь использовать эту бумаженцию с большой пользой. Так что прощай, шут, и не волнуйся, конкурентом я тебе не буду, поскольку в Замке задерживаться не собираюсь!

– Прощай,.. шут!.. – ощерился в ответ Твист, – А конкурентом ты мне и так не будешь!

Твист лукаво наклонил голову, показал мне язык и добавил:

– Я, ведь, шут придворный, а ты – личный шут королевы Кины. Не будет королевы, не будет и твоей должности... Так что имей это ввиду...

Я задумчиво почесал затылок. А ведь карлик был абсолютно прав.

– Может тебя проводить? – поинтересовался Твист, в свою очередь вставая из-за стола.

– Нет, не стоит... – сразу ответил я, – И вообще не надо, чтобы нас видели вместе, пусть думают, что мы конкурируем...

– Тогда возьми вот это, – и он протянул мне увесистый кошелек, – Пригодится в дороге.

Я молча взял деньги, как взял бы их у любого из моих друзей.

– А как ты думаешь выйти из Замка? – в его вопросе не было особой озабоченности.

– А кто меня посмеет задержать? – ответил я вопросом на вопрос и потряс своим «документом».

Твист молча ухмыльнулся.

Я повернулся и вышел из его апартаментов, унося в памяти его ухмылку.

По коридору я шагал хоть и тихо, но совершенно не скрываясь. Выйдя на площадку я остановился возле дремавшего на посту гвардейца и ткнул его пальцем в живот, как раз под металлический нагрудник.

Он открыл покрасневшие от сна глаза и очумело уставился на меня. Я ухмыльнулся и брякнул:

– Нельзя спать на посту... Бронежилет свиснут, как перед сержантом отчитываться будешь?

– Ты кто? – тупо прохрипел тот в ответ.

– Ай-яй-яй, – пропел я, – Начальство надо знать в лицо, а то недолго и в острог загреметь... – И видя, что воин все еще не может прийти в себя, неожиданно гаркнул: – Смирно!

Воин инстинктивно вытянулся передо мной, а я начальственно пророкотал:

– Личному шуту королевы Кины надлежит отдавать честь трижды и в дневное время трижды кричать «ура»!

Бедняга тут же вскинул руку в приветствии, да так и замер, что-то там соображая, а потом опустил руку и спросил:

– Чего кричать?..

Я махнул рукой и направился вниз по лестнице, проворчав напоследок:

– Спи дальше, деревня...

Гвардеец, стоявший на часах у главного входа, в отличие от своего соратника на лестнице, не спал. Как только я появился из дверей, он тут же довольно громко вякнул:

– Кто идет?!

– Саратов!.. – коротко бросил я и тут же потребовал, – Отзыв!

– Куда? – вытаращился на меня часовой.

– Ты что, не знаешь отзыв на сегодня? – вкрадчиво поинтересовался я.

– Нет... – помотал головой гвардеец.

– И кто такой Саратов, ты тоже не знаешь? – еще вкрадчивее спросил я.

– Не знаю... – подтвердил гвардеец.

– Ну и подраспустили вас тут! – неожиданно гаркнул я, – Шалая на вас нет, он бы вам мозги вправил!

Гвардеец вытянулся и «ел» неизвестное начальство глазами. Его служебное рвение мне понравилось, поэтому я немного сбавил тон :

– Значит так: На твой вопрос «Кто идет?» должен последовать ответ «Саратов», на что ты должен сказать «Таганрог, проходи». Понял?

– Понял, – кивнул головой гвардеец, – А кто такой Саратов?

– Не твоего ума дела, еще вопросы будешь задавать...

– А если он не скажет «Саратов», мне все равно говорить «Таганрог проходи»?

– А если он... или она... не скажут «Саратов», значит он... или она... не знают пароля, и значит он... или она – лазутчик вражеский! А что надо делать с вражеским лазутчиком?

Гвардеец еще более подтянулся напрягая «морщины лба» потом неожиданно расслабился и спросил:

– А что делать?..

– Да-а-а-а, – протянул я, – И в вашем полку все такие сообразительные?

– А нам соображать не надо, – совершенно спокойно сообщил мне гвардеец, – Сообразительные – в барсах или беркутах служат, а мы, койоты, отличаемся... стремительностью нападения...

– А если защищаться придется? – с усмешкой спросил я.

– Ну и стремительностью защиты мы тоже отличаемся, – невозмутимо ответил «койот».

– А в карауле у конюшни тоже из твоего полка орел... то есть, койот, стоит?

– Конечно. Как барсов сменили так и стоим в Замке.

– А как к конюшням пройти?

– Так в проулок между дворцом и новым арсеналом, а там второй проход направо, как раз в конюшни и упрешься.

– Ясно. Ну стой на стреме дальше, – я помахал ему ладошкой, – Если что, поднимай шухер...

Когда я сворачивал в проулок между дворцом и новым арсеналом, гвардеец топтался возле парадных дверей под фонарем и что-то внимательно искал на мостовой, видимо, тот самый шухер, который надо было поднять, если что!

Королевские конюшни я отыскал быстро. У ворот под горевшим фонарем действительно красовался еще один гвардеец. И стоило мне показаться в поле его зрения, как он тут же гаркнул: – Кто идет? – на что я машинально брякнул: – Саратов...

– Таганрог, проходи... – немедленно ответил он. Я от неожиданности замер на месте, но достаточно быстро сориентировался и похвалил часового:

– Молодец, знаешь службу!

Гвардеец встал по стойке смирно, но на его физиономии было явно написано довольство собой.

– А теперь быстро вызови мне дежурного конюха...

Гвардеец как-то странно напрягся, но не тронулся с места. Я подождал с полминуты и ласково поинтересовался:

– Ну и что, дорогой мой, ты так и не соберешься выполнять мое распоряжение?

Он из своей стойки смирно скосил на меня глаза и сообщил:

– Так уже все...

– Что – все? – теряя терпение, спросил я.

– Так вызвал уже, сейчас он штаны натянет и выйдет...

– И каким же образом ты это устроил, – искренне заинтересовался я.

– Так, вся дежурная служба на постоянной связи... – немного растерянно пояснил часовой.

«Так вот почему он знал пароль и отзыв, только что назначенные мной самим!...» – сообразил я.

В этот момент открылась прорезанная в воротине конюшен дверца, и на улицу выскочил наспех одетый человек с удивительно кривыми ногами.

– Ну, – сразу заорал он на гвардейца, – Кто тут меня спрашивает, кому по ночам не спиться?

Гвардеец молча разевал рот и дергал головой в мою сторону. Зато я молчать не стал:

– Ты что это, милейший, разоряешься? – шагнул я в сторону конюха, – Ты дежурный, так почему дежуришь без штанов и в постели? А если у королевы возникнет срочная необходимость отъехать по делу, ты ей в подштанниках лошадей выводить будешь! Это кто в конюшне такие порядки установил?! А?! Я тебя, рыло, спрашиваю! Давно вас не секли, так вы и распустились!!

К концу своего великолепного монолога я орал так, что в соседнем двухэтажном здании, по всей видимости, гвардейской сторожевой казарме, зажглись несколько окон.

Конюх уже давно скис и потерял весь свой спросонный апломб. Сейчас он стоял передо мной, нервно приглаживая свою пегую, клочковатую прическу и бегая по сторонам глазами. Когда я замолчал, задохнувшись в праведном гневе, он дернул головой и попытался оправдаться:

– Так... это... королева никогда... что б того... ночью из дворца... это... никого не выпускают...

– Что?!! – заорал я, так что у конюха ножки в коленках подогнулись, – Ты хочешь сказать, что Кина Золотая не вольна покинуть свой Замок в любое время, какое ей заблагорассудится?!! И кто это ей может запретить?!! Уж не ты ли, морда лошадиная?!!

Я надвинулся на дежурного конюха, что при моих метр девяносто было несложно. Теперь тот просто начал блеять:

– Так... распоряжение советника Юрги... нельзя никому... после заката солнца...

– Молчать, конский катыш! – гаркнул я.

Конский катыш не только замолчал, он вообще уже еле держался на ногах.

– Молчать, – повторил я немного спокойнее, – И слушать меня! Тебе дается пятнадцать минут, чтобы исправить положение и обелить себя в глазах... в прекрасных глазах королевы! Но если через пятнадцать минут ты заседлаешь и не выведешь сюда четырех лучших коней, тебя будут пороть до тех пор, пока ты не забудешь своего имени!..

Конюх закатил глаза, но я почему-то не слишком поверил в его обморок.

– Время пошло... – тихо произнес я самым своим страшным голосом.

Гвардеец, продолжавший держать стойку «смирно» явственно содрогнулся, а конюх исчез.

Все было сделано гораздо быстрее установленного мной срока. Я не успел отсчитать и десяти минут, как ворота распахнулись и двое конюхов вывели заказанных мной лошадей. В следующее мгновение я оказался в седле и сразу почувствовал себя на своем месте. Подхватив узду одной из лошадей, я повернулся к конюхам и бросил свысока: – Ну, вот видите, умеете, если захотите... – и тронулся шагом в направлении главных ворот Замка. Еще две оседланные лошади пошли за мной.

У ворот горели два фонаря и под каждым маячила фигура гвардейца. Я подъехал и, соскочив с лошади громко потребовал начальника караула. Из двери, вмурованной в стену Замка тут же выскочил усатый здоровяк и, подойдя быстрым шагом, уставился на мою физиономию. Потом перевел взгляд на следовавших за мной коней и задал неожиданный вопрос:

– И куда это ты собрался?..

Я не стал отвечать на столь бестактные вопросы, а вместо этого задал свой:

– Читать умеешь?..

– Конечно, – гордо ответил усач, – Без этого в сержанты не производят...

Я достал свою ксиву, развернул и сунул яму под нос:

– Тогда читай,.. сержант!

Он долго водил глазами по строчкам, постепенно вытягиваясь в соответствующую бумаге струнку. Когда он поднял на меня ставший почтительным взгляд, я сказал:

– А теперь открывай ворота,.. сержант!

– Но... распоряжение господина советника... он же запретил...

Тут в его глазах появилось новое выражение. Он вроде бы меня узнал.

– Э-э-э, так ты тот самый парень, которого нам приказали ни в коем случае не пускать в Замок!

– Да? – спросил я без удивления, – А не выпускать меня из Замка вам не приказали?

– Нет, не приказали, – растерянно подтвердил усатый сержант.

– Так в чем же дело? – я начал сердиться.

– А как ты в Замок-то попал? – сержант попался страсть какой любопытный. Но я не захотел объяснять ему подробности своего проникновения в эту неприступную твердыню:

– Меня господин советник провел... – Тут сержант вытаращил на меня глаза, а я продолжил, – Но это высокая политика, так что тебе лучше в нее не соваться. Давай открывай ворота!

– Но как же распоряжение советника?.. – продолжал сомневаться сержант.

– Слушай, друг, тебя что больше пугает советник или гнев королевы Кины?..

Он задумался! И я не смог этого вынести:

– А может быть мне над тобой подшутить?..

Я щелкнул пальцами и, достав из кармашка маленькое зеркальце, протянул его сержанту. Он с любопытством в него заглянул и схватился за свои усы. Его роскошное украшение стало с одной стороны ярко голубым, а с другой темно зеленым.

– Нравится?.. ласково поинтересовался я, – Так будет с каждым, кто помешает мне веселить мою королеву...

– Но... как же я теперь?.. – чуть не плача промямлил сержант.

– Брить придется! – отрезал я, – Но если ты через секунду не откроешь ворота, я их сам сбрую!..

И я снова поднял пальцы изготовленные для щелчка.

Видимо, сержант уловил в моих словах что-то такое, что его очень напугало. Он развернулся и опрометью бросился к стоявшим на часах гвардейцам, ругаясь на ходу.

Через пару минут копыта лошадей зацокали по опущенному мосту, я покинул гостеприимное жилище моей королевы.

Глава 4

Неподвижность – это смерть. Движение – это жизнь. А любая дорога – это само движение, Хотя она и неподвижна под ногами, копытами, колесами... И за каждым поворотом что-то новое – новые друзья, новые враги, новая... дорога.

Лагерного костра в степи совсем не было видно, но это не помешало мне отыскать своих друзей. Великая эта, все-таки, способность – Истинное Зрение. Интересно было наблюдать за Фродо, как раз заступившем на дежурство. Услышав мягкий стук лошадиных копыт неотвратно приближавшихся к лагерю, он сначала, чисто интуитивно, попытался скрыться, и это ему практически удалось, несмотря на мое Истинное Зрение. Во всяком случае, на ту размытую тень, в которую он превратился, я не обратил бы никакого внимания, если бы с самого начала не знал, что это хоббит. Однако, уже через секунду Фродо вспомнил, что он поставлен в караул. Он метнулся навстречу лошадиному топоту и притаился за каким-то незначительными кустиком травы, остервенело вцепившись в рукоять кинжала. Признаться, я подивился его выдержке – хоббит не стал будить своих товарищей, а решил разобраться с приближающимися конниками своими силами.

Подъехав ближе, я остановил лошадей и шепотом позвал:

– Эй, Фродо, нечего за кустиком отлеживаться, давай помогай лошадок расседлывать...

Хоббит немного растерянно поднялся и тихонько пропищал:

– Гэндальф, это ты что ли?..

– Я, я! Давай помогай, – повторил я, соскакивая с лошади.

Фродо подошел ближе и взял за повод двоих лошадей, а я повел ближе к едва тлеющему костру оставшихся.

Оказавшись совсем рядом с лагерем, мы расседлали лошадок и, стреножив их, пустили пастись. Фродо попробовал приставать ко мне с расспросами, однако я заявил, что слишком устал, а мне еще дежурить, и завалился спать.

Самое интересное, что несмотря на свои ночные приключения и мучившую меня тревогу за Кину, заснул я мгновенно и проспал до самого утра. Фродо, уразумевший, что мне пришлось попотеть, пока они дрыхли, отдежурил почти две смены и разбудив Эльнорду, объяснил ей, что освобождает меня от вахты. Так что меня подняли от сна только к завтраку.

Ребятам, конечно, очень хотелось поскорей услышать, что творится в замке, как я туда проник и откуда у меня появились лошади, но, как истинные джентльмены и леди, они дали мне спокойно позавтракать, потом свернули лагерь и оседлали лошадей. Только когда мы тронулись в путь, Эльнорда, изящно повернулась в седле и немного раздраженно осведомилась:

– Ну, Серый, ты что, хочешь чтобы мы умерли от любопытства?!

– Ну что ты, – усмехнулся я в ответ, – Вы мне дороги живыми. Что я с вами мертвыми буду делать?

– Тогда давай, немедленно рассказывай, что ты делал в Замке этой ночью! – потребовала эльфийка.

Было совсем еще раннее утро. Солнце только-только высунуло свой краешек над горизонтом. Мы ехали шагом по чуть пылившей дороге в сторону далеких гор, и я начал свой рассказ. В общем-то, это был сухой доклад о проделанной работе, который ребята выслушали, как слушают вводную перед какой-нибудь войсковой операцией. Только однажды я

сехал в художественное повествование, когда рассказывал о состоянии, в котором нашел Кину и о том с помощью каких методов ее в этом состоянии удерживают.

Когда я закончил и предложил задавать вопросы, Эльнорда в весьма резкой форме обратилась ко всей компании:

– А вам, представители сильного пола, не кажется, что необходимо срочно вернуться в Замок и разобраться с этим камер-советником – отобрать у него право решающего голоса?

– Я согласен!.. – тут же буркнул малоразговорчивый тролль.

– Мне тоже не нравится, что мы оставляем Кину без помощи, – чуть подумав, высказался Фродо.

И все трое уставились на меня.

– Значит я один – бессердечный мерзавец, не желающий помочь попавшей в беду девушке? – усмехнулся я.

Мои друзья молчали, но их лица выражали явное непонимание моей позиции.

– Хорошо, – продолжил я, – Мы возвращаемся в Замок. Я даже больше скажу – сегодня нас туда пустят. А что дальше?..

– Юргу – герданом по башке, эту его чтицу – пинком за ворота, и все дела! – громыхнул не раздумывая тролль.

– А ты уверен, что встретишься в Замке с Юргой и Сортой? Они ведь весьма высокопоставленные люди, а мы в глазах всех просто самозванцы. Или, ты думаешь нас так просто допустят к королеве? Но даже если твой план можно будет осуществить, хотя я не представляю такой возможности, как ты собираешься снять гипнотическое внушение, в котором находится Кина? Ты что – специалист по гипнозу?

– А что предлагаешь ты?! – сверкающие глаза Эльнорды, готовы были прожечь меня насквозь.

– Первое, – спокойно встретил я ее возмущенный взгляд, – Мы должны найти Шалая и уговорить его отправиться к кочевникам. Только он сможет убедить их императора в том, что Кина не виновата в тех оскорблениях, которые раздаются в адрес степной империи. Что ее лишили воли, что ею манипулируют. Таким образом нам удастся избежать войны, назревающей между королевством и империей. А кому-то эта война нужна позарез!

– Кому? – влез в мой монолог Фродо.

Я пожал плечами:

– Пока что неизвестно. Но сорвав этот план мы, возможно, заставим главного манипулятора раскрыться.

– А что второе? – поторопила меня Эльнорда, стрельнув глазом в сторону хоббита, чтобы тот больше меня не перебивал.

– Второе – нам необходимо решить задачу, из-за которой мы, собственно говоря, и явились в этот мир. А это значит, что наш путь лежит к Брошенной Башне. Я по-прежнему уверен, что Седой Варвар был выброшен Киной в Башню и что именно там его следует искать.

– А дальше? – музыкальный голосок Эльнорды начал раздражать меня своей требовательностью.

– А дальше мы вернемся в Замок и будем думать, что делать дальше!

– Гэндальф прав! – неожиданно подал голос Душегуб, – Надо сначала решить вопрос с этим Варваром. Если мы увязнем в местных проблемах, неизвестно еще сколько мальчишек на Земле станут уродами, опасными для окружающих.

Я порадовался, что тролль еще помнит зачем мы здесь оказались. Однако, Эльнорда была с нами не согласна. Она резко развернулась в седле и выстрелила своими глазищами в разговарившегося Душегуба:

– Увязнем в местных проблемах!! Вы, значит, не от мира сего, вам, значит, на местные проблемы плевать!! А мне Кина – подруга! Мне ее проблемы не менее важны, чем вам – ваши!

– Эй, девочка, не надо заводится... – раздался писклявый голосок Фродо.

– Что?! – эльфийка тут же вертанулась в седле в сторону хоббита, – Ты-то что там пищишь, шпенек укороченный?!

– А за шпенька в глаз можно схлопотать, – мгновенно окрысился хоббит, – Всякие нервные девицы еще обзываются будут!

– Хорошо, – оборвал я начавшуюся перепалку и сам удивился, насколько холодно прозвучал мой голос, – Что ты предлагаешь? Вернуться в Замок и сидеть там, ожидая счастливого случая? И при этом, бросить наших мальчишек на произвол судьбы и позволить Варвару продолжать собирать их души для своих производственных нужд?!

Эльнорда явно растерялась, ее воинственный дух заметался в поисках достойного ответа. Я немедленно воспользовался ее замешательством и, остановив лошадь, потребовал:

– Решай немедленно, и прекратим эти споры и взаимные обвинения! Не хватает еще нам самим передаться – мало у нас проблем!

Следом за мной остановился весь наш отряд, и мы с каменными рожами уставились на девчонку. Она молчала минут пять, а затем выдавила с раскаянием в голосе:

– Ладно, я была не права... Мне очень жаль Кину, и я хотела...

– Эх, дорогая моя, – неожиданно охрипшим голосом перебил я ее, – Знала бы ты, как я хотел...

Я не договорил, но Эльнорда взглянула на меня, и в ее глазах зажглось понимание.

– Все нормально будет, ребята... – прогудел Душегуб и тронул свою лошадь.

Хоббит двинулся следом за Душегубом и неожиданно проворчал:

– Слушай, Серый, неужели нельзя было подобрать для меня лошадку пониже. Я все время боюсь свалиться с этого зверя!

Мы заулыбались, и Эльнорда выдохнула с видимым облегчением:

– Тогда чего же мы тащимся шагом, давайте поспешать!

Ее лошадь перешла на рысь, и наши последовали поданному примеру. Даже Фродо, упершись ногами в укороченные стремяна, не стал ворчать на усложнение движения.

До полудня мы двигались без всяких приключений. Дорога вела нас в предгорья мимо полей и лугов, но встречавшиеся деревеньки и даже довольно крупные поселки были, как ни странно, расположены от нее в стороне, так что никаких попутчиков у нас не было. Правда по предложению все той же Эльнорды мы свернули в одну из деревень, чтобы запастись свежей водой и прикупить провизии. Пришлось достать одну монетку из кошелька Твиста. За эту монету нам наполнили провизией все наши мешки, да еще кланялись вслед, пока мы не скрылись из виду облагодетельствованных нами селян.

После полудня, дорога встретилась с неширокой речкой, струящейся в промытой ей самой ложбинке, и впервые за все время нашего пути чуть вильнула в сторону и пошла дальше берегом. Мы тут же остановились на привал и даже искупались перед обедом, смыв с себя пыль и пот, накопившиеся за время наших двухдневных скитаний.

Помня о своей вчерашней ошибке, я постоянно прощупывал магический фон окрестностей, но никакой особенной активности не замечал. Мы пообедали и немного отдохнули, а затем снова двинулись в путь.

Через полчаса такого спокойного путешествия Душегуб неожиданно придвинулся ко мне поближе и негромко заворчал:

– Что-то мне не нравится...

– Что тебе не нравится? – переспросил я.

– Да вот то, как мы путешествуем... Ну что это такое – никуда не торопимся, за нами никто не гонится, впереди никто не поджидает, даже на дороге ни одного встречного-поперечного... Скука...

– Ты, Душегубушка, я смотрю, соскучился по драке? – ласково поинтересовалась Эльнорда, скакавшая по другую сторону от меня.

– Ну, не то чтобы соскучился... – засмущался тролль, – Но согласись, как-то необычно... В конце концов, Гэндальф вчера здорово набедокурил в Замке: стащил королевский указ, увел четырех лошадей, насочинял паролей, не явился на утреннюю встречу с самым камер-советником, удрал, можно сказать, в неизвестном направлении, и никакой реакции!.. Ненормально это!..

– За нами кто-то едет, – сообщил внезапно Фродо, скакавший впереди, – И едет очень быстро... торопится...

– Накаркал!.. – сердито бросила Эльнорда в сторону тролля, а я по возможности спокойно спросил у хоббита:

– И много их, торопящихся?..

Хоббит немного помолчал, прислушиваясь и уточнил:

– Похоже двое... и повозка.

– Так может быть один верхом и один в повозке? – переспросила эльфийка.

– Может быть... – согласился хоббит, – А может быть и неизвестно сколько, и все в повозке, запряженной парой... Только топот какой-то странный...

– Ну что, прибавим ходу? – спросила эльфийка, ни к кому конкретно не обращаясь.

– У меня и так вся задница отбита, – сразу же начал стенать Фродо, – Куда ж еще быстрее...

– А чего торопиться, – встал на его сторону Душегуб, – Что мы с одной повозкой не справимся что ли?..

– С повозкой-то ты точно справишься, – усмехнулась Эльнорда, – Но тот, кто эту погоню послал, наверняка узнает в какую сторону мы направляемся. А нам это нужно?

Далеко впереди и как всегда несколько в стороне замаячили крыши очередного села, и тут мне в голову пришла здравая мысль:

– Давайте-ка мы свернем в вон тот поселок, судя по количеству крыш, там должна быть какая-нибудь точка общественного питания. А Фродо останется здесь – ему же не привыкать теряться на открытой местности. Он дождется наших неизвестных преследователей, пропустит их, притопает в село и все нам расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.